

931
Г 511
133071

П. ГИРО.
Частная
и общественная
жизнь греков.
вып I

Гера.

133071

4289(3)

Г511

Пр.65

П. ГИРО

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЧТЕНІЯ
ГРЕЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТНАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ ГРЕКОВЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОСЛѢДНЯГО ФРАНЦУЗСКАГО ИЗДАНІЯ
Н. И. ЛИХАРЕВОЙ

СЪ 20 РИСУНКАМИ

ВЫПУСКЪ I

ПР58

Изданіе Т-ва О. Н. ПОПОВОЙ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1913

0711

9
Г 511

74

ПРОВЕРЕНО . . . г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Книга П. Гиро „Частная и общественная жизнь грековъ“ уже извѣстна въ Россіи по переводу, вышедшему въ 1897 г. (въ изданіи Л. Пантелѣева). Изданіе это давно разошлось, и въ настоящее время „Историческія чтенія“ Гиро сдѣлались у насъ почти библиографической рѣдкостью. Это обстоятельство является лучшимъ свидѣтельствомъ, что трудъ французскаго ученаго отвѣчаетъ потребностямъ и русской школы. Несмотря на то, что за послѣдніе годы появились русскія оригинальныя хрестоматіи по древней исторіи, въ которыхъ отводится мѣсто и Греціи, книга Гиро отнюдь не утратила своего значенія. Благодаря стройности и цѣльности плана, систематичности и богатству матеріала, собраннаго руками выдающагося ученаго и знатока греческой исторіи, „Частная и общественная жизнь грековъ“ не можетъ быть замѣнена тѣми хрестоматіями, которыя, удѣляя этому отдѣлу сравнительно мало мѣста, освѣщаютъ лишь отдѣльные эпизоды жизни грековъ.

Значеніе книги Гиро заключается именно въ мастерскомъ подборѣ статей, обрисовывающихъ въ своей совокупности греческую жизнь и глубоко, и широко, и ярко; вслѣдствіе этого она становится одинаково цѣнной какъ въ рукахъ преподавателя, такъ и ученика. Если преподаватель найдетъ въ ней обширный и разносторонній матеріалъ для своихъ классныхъ бесѣдъ, то меньшую услугу она можетъ оказать ему для организаціи самостоятельныхъ работъ учениковъ. При все болѣе и болѣе развивающемся рефератномъ методѣ въ преподаваніи исторіи эта книга является незаменимымъ пособіемъ. Разбиваясь въ строго выдержанной системѣ на отдѣлы и подотдѣлы, она даетъ въ высшей степени удобную схему и превосходный матеріалъ для рефератовъ учащихся.

Чтобы облегчить учащимся приобретение этой книги, она выйдет въ свѣтъ не только цѣликомъ въ одномъ томѣ, но и шестью отдѣльными выпусками, заключающими въ себѣ слѣдующія главы:

1. Общія свѣдѣнія. Семья. Воспитаніе.
2. Частная жизнь.
3. Рабство. Трудъ и богатство. Общественная жизнь.
4. Религія.
5. Правительство. Правосудіе. Налоги. Армія и флотъ. Международныя сношенія.
6. Искусство.

При бѣгломъ взглядѣ на содержаніе книги и имена авторовъ статей, входящихъ въ ея составъ, можетъ явиться сомнѣніе въ доступности ея для учениковъ IV класса, гдѣ согласно программамъ среднихъ учебныхъ заведеній проходитъ греческая исторія. Но, хотя статьи эти заимствованы большею частью какъ выдержки изъ чисто-научныхъ сочиненій, онѣ доступны не только французскому, а также и русскому ученику средняго возраста. Пользуясь этой книгой, ученикъ приобретаетъ навыкъ въ чтеніи научныхъ сочиненій, отучается отъ того полубеллетристическаго способа изложенія, къ которому приучаютъ его авторы историческихъ популяризаций и который рѣдко бываетъ удаченъ, потому что требуетъ извѣстнаго художественнаго таланта и яркаго, образнаго языка.

При чтеніи этой книги, какъ можно заключить на основаніи педагогической практики, учащихся затрудняетъ не содержаніе и не языкъ, а главнымъ образомъ множество собственныхъ именъ, упоминающихся въ текстѣ и еще незнакомыхъ имъ при началѣ изученія исторіи Греціи.

Чтобы оказать ученикамъ въ этомъ отношеніи помощь, переводъ снабженъ краткими примѣчаніями ¹⁾. Не претендуя отнюдь на полноту сообщаемыхъ свѣдѣній, примѣчанія преслѣдуютъ только одну цѣль: сдѣлать ту или иную статью удобочитаемой для ученика, дать ему возможность

¹⁾ Примѣчанія П. Гиро снабжены надписью: (*Примѣч. автора*); остальныя принадлежатъ переводчицѣ.

разобраться въ цитируемыхъ именахъ различныхъ дѣятелей и ученыхъ, безъ чего содержаніе статьи дѣлается нерѣдко не вполне понятнымъ.

Въ цѣляхъ же приспособленія книги къ русской школѣ мы позволили себѣ устранить рядъ статей, которыя, затрагивая слишкомъ спеціальные вопросы, не отвѣчаютъ потребностямъ преподаванія и уровню русскихъ учащихся, а между тѣмъ, увеличивая книгу, удорожаютъ ее.

Въ первомъ выпускѣ изъяты слѣдующія статьи: 1) *Condition juridique de la femme*. 2) *Règles relatives à la transmission des successions*. 3) *Partage amiable d'une succession*. 4) *Pillage d'une succession*. 5) *Prétentions frauduleuses à une succession*.

Кромѣ того, въ различныхъ статьяхъ выпущено нѣсколько фразъ, или упоминающихъ о такихъ сторонахъ греческой жизни, которыхъ неудобно касаться при преподаваніи въ среднихъ классахъ (напр. въ статьѣ „Разводъ“ въ 1-омъ выпускѣ, „Пиръ“ во 2-омъ выпускѣ и т. п.), или проводящихъ параллель между греческими и французскими учрежденіями и понятіями, или пестрящихъ такими собственными именами, сообщать о которыхъ свѣдѣнія въ IV классѣ средней школы не только излишне, но и невозможно. Впрочемъ, число такихъ фразъ очень невелико, и при опущеніи ихъ принималось во вниманіе, чтобы это ни въ какомъ случаѣ не вліяло на смыслъ статьи. При передачѣ греческихъ текстовъ даны, гдѣ было возможно, существующіе русскіе переводы съ греческаго языка.

Въ заключеніе остается добавить, что въ цѣляхъ наглядности количество рисунковъ въ книгѣ значительно увеличено.

Переводчица.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Настоящій трудъ имѣеть цѣлью дать описаніе учрежденій, нравовъ, обычаевъ, относящихся къ общественной и частной жизни грековъ. Книга эта не совпадаетъ по содержанию съ учебникомъ; она составляетъ скорѣе его необходимое дополненіе. Учебники обыкновенно умалчиваютъ объ этихъ сторонахъ жизни народовъ, потому что они должны рассказать прежде всего историческія событія, и для остальныхъ вопросовъ не остается мѣста. Полезно, однако, чтобы у учениковъ было ясное представленіе объ этихъ предметахъ, чтобы они знали, какъ жили и одѣвались въ Аѳинахъ, кто такіе были рабы, землевладѣльцы, ремесленники, какъ отправлялся культъ мертвыхъ, каково было вооруженіе воина, какъ праздновались религіозныя церемоніи и т. д. Обо всемъ этомъ и идетъ рѣчь въ предлагаемомъ трудѣ.

Я самъ составилъ нѣкоторыя отрывки, содержащіяся здѣсь; эти статьи не имѣютъ подписи. Будучи убѣжденъ, что ничто не даетъ такого яснаго представленія объ исторической обстановкѣ, какъ чтеніе оригинальныхъ документовъ, я сдѣлалъ многочисленныя заимствованія изъ древнихъ авторовъ. Эти выдержки, при условіи хорошаго подбора ихъ, легко усваиваются даже очень юными умами, и я полагаю, что среди мѣстъ, приводимыхъ мною, нѣтъ ни одного, которое превзошло бы ихъ пониманіе. Я не переводилъ ихъ заново, но всегда провѣрялъ точность приводимыхъ мною переводовъ.

Когда я не могъ найти у современниковъ текстовъ, отвѣчающихъ цѣли этой книги, я прибѣгалъ къ помощи новыхъ трудовъ. Многія мѣста я приводилъ безъ всякихъ

измѣненій. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ я позволялъ себѣ дѣлать небольшія измѣненія: иногда для того, чтобы исправить какую-нибудь ошибку, иногда—чтобы придать фразѣ большую ясность. Наконецъ, часто я излагалъ на двухъ или трехъ страницахъ то, что авторъ развивалъ болѣе подробно.

Гравюры, передающія оригинальные памятники, имѣютъ цѣлью не иллюстрировать эту книгу, а скорѣе научить учениковъ черезъ посредство зрительныхъ воспріятій, изображая имъ разные предметы, описать которые словами недостаточно.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія свѣдѣнія.

Содержаніе: 1. Эллинскій типъ.—2. Греческій геній.—3. Счастье по понятію аѳинянина.—4. Сравненіе аѳинянъ со спартанцами.—5. Спартакское остроуміе.—6. Характеръ виванцевъ.—7. Простота греческой жизни.—8. Дѣленіе времени.—9. Мѣры, вѣсъ и монеты.—10. Способъ счисленія.

1. Эллинскій типъ.

Эллинская раса была чрезвычайно красива; греки и сами были убѣждены въ своей красотѣ, и иностранцы не оспаривали ихъ права гордиться ею. Послушайте, что говоритъ знаменитый врачъ начала V вѣка послѣ Р. Х., Адамантий, котораго трудно заподозрить въ пристрастїи, потому что по происхожденію онъ былъ еврей, а жилъ въ Александріи: „Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эллинская раса сохранилась въ чистомъ видѣ, населеніе отличается довольно высокимъ ростомъ, широкими плечами, стройностью, крѣпкимъ сложеніемъ; они блондины съ бѣлымъ цвѣтомъ кожи и съ устойчивымъ, хотя нѣжнымъ, румянцемъ; у нихъ прямыя, красиво сложенные ноги съ изящными ступнями, круглая, средней величины голова на крѣпкой шеѣ. Ихъ отливающие золотомъ волосы тонки и легко вьются; лицо у нихъ прямоугольное, губы тонкія, носъ прямой; томные, чрезвычайно блестящіе глаза мечутъ нѣжные и пронизательные взоры; среди всѣхъ народовъ греки отличаются красотой своихъ глазъ“.

Это описаніе совершеннаго по красотѣ типа эллинской расы сдѣлано съ такою точностью, что ему трудно недо-

вѣрять. Кромѣ того, оно и въ настоящее время вполне соответствуетъ наружности жителей нѣкоторыхъ отдаленныхъ областей Греціи, напримѣръ,—Западной Аркадіи. Ни-

Афродита. Статуя въ Луврскомъ музеѣ.

гдѣ въ Европѣ мужской типъ не отличается [такой красотой, какъ въ этихъ горахъ, куда завоеватели почти не проникали и гдѣ они никогда не оставались на такой долгій срокъ, чтобы испортить чистоту эллинской крови.

Однако не слѣдуетъ думать, что художникамъ достаточно было бросить бѣглый взоръ, чтобы найти образцы для типовъ той совершенной красоты, которой они одарили боговъ и эфебовъ ¹⁾. Уваженіе, какое греки питали къ изяществу формъ и правильности чертъ лица, доказываетъ, что эти качества встрѣчались не у всѣхъ. Въ Аѳинахъ, гдѣ большая часть населенія состояла изъ рабовъ и по-

¹⁾ Значеніе слова эфебъ см. гл. III. § 10.

селившихся на жительство иностранцевъ и гдѣ незаконные браки вошли въ обычай, раса должна была имѣть особенно много примѣсей, а отдѣльные типы поражать крайнимъ разнообразіемъ. Антропологи не могутъ вывести никакихъ заключеній изъ сравненія череповъ, находимыхъ въ аѳинскихъ могилахъ. Кромѣ того, стоитъ перелистать комическихкихъ поэтовъ, чтобы найти указаніе на крючковые и вздернутые носы, рты до ушей, сутулыя плечи, толстые животы, чрезмѣрно тонкія или кривыя ноги. Рядъ произведеній скульптуры — памятники частныхъ лицъ, портреты, надгробные барельефы и стелы ¹⁾ — даютъ часто изображенія, черты которыхъ очень далеки отъ классической правильности. Кромѣ того, ни всѣ косметы ²⁾ эфевовъ, ни всѣ великіе люди (напримѣръ, Демосѳенъ и Эврипидъ) — не были красивы, Сократъ ³⁾ же отличался самымъ грубымъ безобразіемъ.

Аресь. Статуя въ виллѣ Лувовизи въ Римѣ.

(Rayet. Monuments de l'art antique, t. II).

¹⁾ Стелами назывались каменные или мраморные столбы, которые служили и надгробными памятниками. Иногда на нихъ дѣлались изображенія усопшихъ.

²⁾ Косметы — см. гл. III, § 10.

³⁾ Демосѳенъ — аѳинскій ораторъ IV в. до Р. Х. Эврипидъ — поэтъ-трагикъ V в. до Р. Х. Сократъ — философъ V в. до Р. Х.

2. Греческій геній.

Наиболѣе яркой чертой эллинской расы было многообразіе ея способностей. Ювеналь ¹⁾ съ горечью выставляетъ на видъ пронырливость грековъ время упадка, которые,

Сократъ.

наводняя Римъ, оказывались способными ко всѣмъ ремесламъ. Въ этой остротѣ заключается доля истины. То, надъ чѣмъ насмѣхался римлянинъ, вызывало восхищеніе Фукидида ²⁾ въ аѳинянахъ его эпохи, а аѳиняне въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, были изовсѣхъ грековъ наиболѣе греками. Аристотель ³⁾ въ свою очередь замѣчалъ, что вообще европейскіе народы, живущіе въ холодныхъ странахъ, отличаются энергіей, но не обладаютъ достаточной живостью ума; населенію Азіи, обитающему въ

жаркихъ странахъ, наоборотъ, при живости ума недостаетъ энергіи; у грековъ же, благодаря ихъ умѣренному климату, наблюдается! сочетаніе энергіи характера съ умственной тонкостью. Это равномѣрное развитіе различныхъ способностей было причиной счастливаго душевнаго равновѣсія и

¹⁾ Ювеналь—римскій поэтъ-сатирикъ, жилъ приблизительно отъ 55—132 г. послѣ Р. Х.

²⁾ Фукидидъ—знаменитый греческій историкъ, жилъ приблизительно отъ 460—309 г. до Р. Х.; написалъ „Исторію пелопоннесской войны“, въ которой самъ участвовалъ.

³⁾ Аристотель—величайшій греческій философъ (IV в. до Р. Х.) Сочиненія его обнимали почти всѣ области доступнаго тогда знанія, которыя благодаря ему приведены были въ строгій порядокъ и очень расширены. Онъ является основателемъ такъ называемой „перипатетической школы“ въ философіи.

гармоніи, проявляющихся въ великихъ произведеніяхъ литературы и искусства грековъ. Воображеніе у эллина всегда соединялось съ элементомъ разсудочности, чувство съ умомъ, страсть—съ размышленіемъ. Онъ никогда не предавался какому-нибудь одностороннему увлеченію. Онъ былъ, такъ сказать, обладателемъ многочисленныхъ способностей, пригодныхъ для каждаго случая; объединяя эти способности, онъ придавалъ созданіямъ своего творчества ихъ настоящій характеръ. Другой существенной чертой греческой расы была ея неистощимая любознательность. Въ области естественныхъ и нравственныхъ наукъ, въ исторіи, географіи, философіи, математикѣ греки проявляли любопытство въ лучшемъ значеніи этого слова и потому первые положили начало почти всѣмъ великимъ научнымъ задачамъ и изобрѣли почти всѣ правильные методы. Ихъ всегда искушало все загадочное, подъ какимъ бы видомъ оно ни проявлялось, въ особенности же влекла ихъ умъ тайна мірозданія. Они хотѣли все увидѣть и все познать. Эта потребность ставить вопросы всему, гдѣ только можно получить отвѣтъ, проявляется у первыхъ іонійскихъ философовъ—натуралистовъ ¹⁾ и съ восхитительной наивностью и величіемъ сказывается въ трудѣ Геродота ²⁾. Въ исторіи наукъ навсегда останется одинъ изъ лучей славы перипатетической школы ³⁾, открывшей столько путей изслѣдованію. Правда, эта легкость пониманія всего и приспособляемость ко всему является иногда опаснымъ преимуществомъ. Въ одной старинной поэмѣ герой ея, Амфіарай, при разставаніи со своимъ сыномъ, Амфилохомъ, говорилъ ему: „Дитя мое, бери примѣръ съ осьми-

¹⁾ Греческая философія зародилась въ греческихъ колоніяхъ Малой Азіи. Первые греческіе философы—іонійцы занимались главнымъ образомъ вопросами о строеніи и происхожденіи всего видимаго міра.

²⁾ Геродотъ—греческій историкъ, жилъ приблизительно между 485 и 425 г. до Р. Х. Онъ носитъ названіе „отца исторіи“. Его исторія, состоящая изъ 9 книгъ, посвящена древнимъ народамъ Востока и борьбѣ грековъ съ персами.

³⁾ Перипатетикамъ и называются ученики Аристотеля. Названіе это произошло, какъ предполагають нѣкоторые ученые, отъ греческаго слова *περιπατεῖν*, что означаетъ ходить взадъ и впередъ: это дѣлалъ Аристотель со своими учениками во время чтенія лекцій.

ножки и сумѣй приноровиться къ нравамъ тѣхъ, къ кому ты попадешь; постарайся подъ тѣмъ или инымъ видомъ казаться похожимъ на людей, среди которыхъ ты будешь жить“. Въ этомъ совѣтѣ отразилась одна изъ чертъ національнаго характера: изворотливый и лукавый Одиссей—грекъ по преимуществу. Тонкость ума была главнѣйшимъ свойствомъ эллинской расы. „Съ давнихъ временъ“, говоритъ Геродотъ, „эллинъ отличался отъ варвара своей сообразительностью и отсутствіемъ глупаго легковѣрія“. Это можно видѣть у грековъ всѣхъ временъ и во всѣхъ странахъ. Часто не безъ справедливости противопоставляютъ важность дорійскаго генія изящной тонкости іонійскаго, смѣются надъ глупостью обитателей Кумъ ¹⁾ и приводятъ примѣры тяжеловѣсности беотійцевъ. Но все это или относительныя и крайне преувеличенныя истины, или просто порождаемыя злословіемъ остроты. Не говоря уже о великихъ литературныхъ и политическихъ дѣятеляхъ Беотіи, едва ли возможно убѣдить кого-нибудь, что неизвѣстные артисты, лѣпившіе безъ всякихъ претензій прелестныя танагрскія статуэтки ²⁾, были грубой деревенщиной. Что же касается важности дорійцевъ, то было бы въ высшей степени ошибочно представлять себѣ ихъ людьми съ тяжеловѣснымъ умомъ, лишеннымъ тонкости. Остроты спартанцевъ пользовались громадной славой по всей Греціи. Хотя онѣ менѣе граціозны и въ меньшей степени проникнуты тонкой ироніей, чѣмъ аѳинскія, зато въ нихъ боьше сжатости и силы. Многіе мудрецы, прославившіеся своими изреченіями, вышли изъ дорійской части Греціи, и когда Цицеронъ ³⁾ хотѣлъ показать, какъ надо пользоваться остроумными словами въ качествѣ орудія краснорѣчія, онъ обращался за образцами ко всѣмъ грекамъ безъ различія. „Я встрѣчалъ у грековъ“, говоритъ онъ, „множество остротъ; въ

¹⁾ Кумы—греческая колонія въ Малой Азіи.

²⁾ Танагрскими статуэтками называются маленькія терракотовыя статуэтки, изготовлявшіяся въ беотійскомъ городѣ Танагрѣ; онѣ отличаются замѣчательнымъ изяществомъ.

³⁾ Цицеронъ — римскій ораторъ, философъ и государственный дѣятель I вѣка до Р. Х.

этомъ отношеніи выдѣляются сицилійцы, а также родосцы и византійцы, но въ особенности аонняне“...

/ Традиціи имѣли въ Греціи огромную силу, но онѣ никогда не подавляли вполнѣ свободы отдѣльной личности. Благодаря смѣлости сужденій, фантастичности воображенія, непосредственной или разсудочной искренности чувствъ, эллинъ избѣжалъ стѣсненій въ развитіи своей природы. Никакая искусственность не подавляла въ немъ чисто-человѣческихъ чертъ. Эта человѣчность придавала его произведеніямъ своеобразный характеръ; она какъ бы проникала ихъ собой, потому что грекъ дѣйствительно носилъ ее въ своей душѣ, и она не являлась слѣдствіемъ ни взятой на себя роли, ни какой-либо выучки. Что касается духовнаго облика грековъ, то знаменитые критики высказываютъ по этому поводу очень противорѣчивыя мнѣнія. Для однихъ основа греческаго характера—беззаботность и веселость. „Греки“, говоритъ Ренанъ ¹⁾, „какъ истинныя дѣти, какими они на самомъ дѣлѣ и были, воспринимали жизнь такъ радостно, что у нихъ никогда не являлось мысли посылать богамъ проклятія, находить природу несправедливой и коварной по отношенію къ человѣку“. Въ другомъ мѣстѣ этотъ же писатель говоритъ „о той вѣчной юности, той веселости, которыя всегда свойственны настоящему эллину, и которыя даже въ настоящее время дѣлаютъ его какъ бы чуждымъ тяжелымъ заботамъ, снѣдающимъ нашу душу“.

Жюль Жираръ ²⁾ утверждаетъ какъ разъ противоположное. „Въ дѣйствительности“, говоритъ онъ, „душу грека проникала забота о самомъ себѣ, о своемъ положеніи и своей участи; эта черта пробудилась въ немъ одновременно съ блестящимъ воображеніемъ и наложила на его раннія произведенія, несмотря на проникающую ихъ энергію, оттѣнокъ скорби, которую по силѣ паѳоса не могло превзойти ни одно изъ твореній новыхъ временъ. Никто не можетъ отрицать доли справедливости, заключающейся въ этихъ словахъ. Но и первое мнѣніе, несмотря на преувеличенія,

¹⁾ Ренанъ — извѣстный французскій филологъ и историкъ, (1823—1892 г.).

²⁾ Жюль Жираръ—французскій ученый XIX вѣка.

допускаемая, конечно, сознательно, даетъ въ общихъ чертахъ правильное представленіе. Греки чувствовали жизненные невзгоды и страдали отъ нихъ. Но отсюда еще далеко до совершенно мрачнаго міровоззрѣнія. Вся ихъ поэзія въ конечномъ выводѣ есть поэзія жизни; ихъ идеаль—идеаль молодости и красоты, который они постоянно стремятся осуществить и на которомъ охотно сосредоточиваютъ свою мысль. Грекамъ почти незнакома была великая причина обычной скорби, т. е. глубокое чувство постоянного несоотвѣтствія между желаніями и ихъ удовлетвореніемъ. Нѣкоторые изъ ихъ мыслителей подозрѣвали это, но греческая раса болѣе всѣхъ другихъ любила жизнь, наслаждаясь своими мыслями и чувствами, и по природѣ была склонна къ постоянно дѣятельному оптимизму. (Maurice Croiset. Hist. de la litt. grecque, t. I, p. 3—20).

3. Счастье по понятію аѳинянина.

„Счастливейшимъ изъ людей“, чистосердечно говорилъ Солонъ Крезу¹⁾, „я считаю аѳинянина Телла“. Изумленный Крезъ поспѣшно спросилъ: „Почему же Телла ты считаешь счастливейшимъ?“ Солонъ отвѣчалъ: „Во-первыхъ, родное государство Телла было счастливо; онъ имѣлъ прекрасныхъ дѣтей и дожилъ до той поры, когда у всѣхъ ихъ дѣти родились и благополучно выросли; во-вторыхъ, средства къ жизни были у него, по нашимъ понятіямъ, достаточныя, а кончилъ онъ дни свои славною смертью: во время сраженія аѳинянь съ сосѣдями, элевсинянами, онъ помогъ своимъ обратить враговъ въ бѣгство и умеръ мужественною смертью; аѳиняне похоронили его на государственнѣйшій счетъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ палъ, и почтили высокими почестями“.

Во времена Платона²⁾ Гиппій высказывалъ слѣдующія мысли, согласныя и со взглядами греческаго народа: „Са-

¹⁾ Солонъ—аѳинскій государственный дѣятель и законодатель конца VII и первой половины VI в. до Р. X. Крезъ—лидійскій царь VI в. до Р. X.

²⁾ Платонъ—греческій философъ, учитель Аристотеля, жилъ приблизительно между 430—348 гг. до Р. X.

мое лучшее для всякаго человѣка во всѣ времена и во всѣхъ странахъ—пользоваться богатствомъ, здоровьемъ и уваженіемъ среди грековъ, дожить такъ до старости и, отдавъ съ честью своимъ родителямъ послѣдній долгъ, быть самому похороненнымъ своими потомками съ тѣмъ же великолѣпіемъ“.

(Геродотъ, I, 30, по пер. Ф. Мищенко. Платонъ (?), Нір. Maior).

4. Сравненіе аѳинянъ со спартанцами.

Коринѳскіе послы обратились со слѣдующими словами къ спартанцамъ:

„Аѳиняне любятъ новизну и отличаются быстротою въ замыслахъ и въ осуществленіи разъ принятыхъ рѣшеній; вы же, напротивъ, озабочены тѣмъ, какъ бы сохранить существующее, не придумываете ничего новаго и не исполняете на дѣлѣ даже необходимаго. Далѣе, они отваживаются на то, что превышаетъ ихъ силы, рискуютъ до безразсудства, и надежда не покидаетъ ихъ даже въ опасностяхъ, тогда какъ вы дѣлаете меньше, чѣмъ сколько позволяютъ ваши силы, не довѣряете несомнѣннымъ расчетамъ и полагаете, что никогда не избавитесь отъ опасностей. Они рѣшительны, вы медленны; они ходятъ въ чужія земли, вы сидите дома; удаленіемъ отъ родины они рассчитываютъ пріобрѣсти себѣ что-либо,—вы опасаетесь, какъ бы походомъ не нанести ущерба тому, чѣмъ вы владѣете. Побѣждая враговъ, аѳиняне преслѣдуютъ ихъ возможно дальше, а побѣждаемые даютъ оттѣснить себя возможно меньше. Потомъ, тѣло свое они отдаютъ за родину такъ, какъ будто оно вовсе не принадлежитъ имъ; напротивъ, духъ берегутъ, какъ неотъемлемую собственность для государства, для служенія ему. Если какіе-либо замыслы ихъ не удаются, они смотрятъ на это, какъ на потерю своего достоянія; если же планъ осуществился и они пріобрѣли что-либо, достигнутая ими удача кажется имъ незначительной въ сравненіи съ тѣмъ, что предстоитъ въ будущемъ. Если какое-либо предпріятіе не удалось, они взамѣнъ того питаютъ новыя надежды и тѣмъ пополняютъ себѣ то, чего

не имѣютъ. Обладаніе и надежда на то, что они замышляютъ, сливаются въ одно только у нихъ, благодаря быстротѣ, съ какою они стремятся осуществить свои рѣшенія. Такъ непрестанно всю жизнь работаютъ они среди лишений и опасностей. Наличными благами наслаждаются очень мало, будучи постоянно заняты стяжаніемъ, и нѣтъ для нихъ другого праздника, какъ выполненіе того, что требуется обстоятельствами; напротивъ, праздный покой почитаютъ такимъ же бѣдствіемъ, какъ и утомленіе безъ отдыха. Поэтому, если бы кто-нибудь въ немногихъ словахъ сказалъ, что аѳиняне рождены для того, чтобы не имѣть покоя самимъ и не давать его другимъ, онъ былъ бы правъ“.

(Фуксидидъ¹⁾, I, 70; по перев. Ф. Г. Мищенко).

5. Спартанское остроуміе.

— Лакедемоняне отвѣтили самосскимъ посламъ, сказавшимъ длинную рѣчь: „Начало вашей рѣчи мы забыли, а конца не поняли, потому что забыли начало“.

— Фиванцы предъявили нѣкоторыя претензіи, противорѣчащія желаніямъ спартанцевъ. „Вамъ слѣдуетъ быть или менѣе высокоумными“, сказалъ имъ одинъ спартанецъ, „или болѣе могущественными“.

— Нѣкто, увидавъ картину, изображающую избіеніе спартанцевъ аѳинянами, сказалъ: „Какіе храбрые люди эти аѳиняне!“— „Да, на картинѣ“, возразилъ одинъ спартанецъ.

— Одного человѣка приговорили къ наказанію, и онъ безпрестанно повторялъ: „Я совершилъ этотъ проступокъ помимо своей воли“.— „Хорошо“, замѣтилъ одинъ спартанецъ, „но вѣдь и наказаніе ты понесешь помимо своей воли!“

— Люди, встрѣтившіе спартанцевъ на пути, сказали имъ: „Счастье вамъ, потому что отсюда только-что ушли разбойники“. — „Нѣтъ, счастье не намъ, а имъ, что они не попались въ наши руки!“

¹⁾ См. примѣч. 4 на стр. 4.

— Одинъ спартанецъ, слушая оратора, говорившаго длинными періодами, сказалъ: „Вотъ человѣкъ, который вертитъ своимъ языкомъ, даже когда ему нечего говорить“.

— Другой спартанецъ на вопросъ о чемъ-то отвѣтилъ: „Нѣтъ“.—„Ты лжешь“, сказалъ ему спрашивавшій.—„Теперь ясно“, замѣтилъ спартанецъ, „что ты болтаешь по-пусту, такъ какъ спрашиваешь о томъ, что знаешь самъ“.

(Плутархъ¹⁾). Изреченія неизвѣстныхъ лакедемонянъ, 1, 2, 7, 9, 33, 56, 63).

6. Характеръ ѳиванцевъ.

Одинъ мессенскій писатель конца IV вѣка такъ характеризуетъ ѳиванцевъ: „ѳиванцы великодушны, а ихъ оптимизмъ удивителенъ, но они дерзки, заносчивы, высокомѣрны, всегда готовы подставить ногу всякому—будь то иностранецъ или его же согражданинъ; они совершенно лишены чувства справедливости. Если между ними возникаетъ какая-нибудь ссора на почвѣ торговыхъ сдѣлокъ, они разрѣшаютъ ее не съ помощью доводовъ разсудка, а путемъ насилія, и переносятъ въ область правосудія пріемы, примѣняемые атлетами при гимнастическихъ состязаніяхъ. Поэтому случается, что ихъ процессы тянутся по 30 лѣтъ. Если же кто-нибудь принесетъ народу жалобу на это, ему придется немедленно покинуть страну; въ противномъ случаѣ онъ рискуетъ попасть ночью въ засаду, устроенную тѣмъ, кому невыгодно окончаніе процесса, и погибнуть отъ его руки. Самый пустой поводъ можетъ вызвать у нихъ убійство. Таковы мужчины. Это, впрочемъ, не означаетъ, что среди нихъ не встрѣчается людей, достойныхъ уваженія и дружбы. Что касается женщинъ, то

¹⁾ Плутархъ (46—120 г. по Р. Х.)— греческій писатель, интересовавшійся по преимуществу вопросами нравственности, авторъ многихъ трудовъ; особенно извѣстны его „Сравнительныя жизнеописанія“ греческихъ и римскихъ дѣятелей, въ которыхъ онъ прославлялъ гражданскія доблести стараго времени, сильно преувеличивая достоинства своихъ героев.

по своему росту, походкѣ, граціи движеній онѣ являются одними изъ самыхъ красивыхъ и изящныхъ въ Греціи.

(Дикеархъ въ *Fragm. histor. graecor.*, т. II ¹⁾).

7. Простота греческой жизни.

Когда цивилизація начала передвигаться на сѣверъ, ей пришлось позаботиться объ удовлетвореніи различныхъ потребностей, въ которыхъ на мѣстѣ ея первоначальнаго пребыванія, т. е. на югѣ, не было нужды. Въ сыромъ или холодномъ климатѣ, какъ, на примѣръ, въ Галліи, Германіи, Англіи, Сѣверной Америкѣ, человѣкъ ѣсть больше, ему необходимы болѣе прочныя и лучше защищенныя отъ непогоды жилища, болѣе теплыя и толстыя одежды, больше огня и свѣта, больше убѣжищъ, съѣстныхъ припасовъ, большее количество орудій и ремеслъ. Человѣкъ поневолѣ начинаетъ заниматься промышленностью и, такъ какъ его потребности растутъ по мѣрѣ ихъ удовлетворенія, то три четверти своего труда онъ тратитъ на созданіе своего благосостоянія; но удобства, которыя онъ приобретаетъ, дѣлаютъ его вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе свободнымъ и какъ бы попавшимъ въ неволю благодаря искусственности созданной имъ обстановки.

Мужской костюмъ въ древней Греціи состоялъ изъ короткой туники безъ рукавовъ; женскій—также изъ туники, но длинной, доходившей до ступней; на плечахъ эта туника загибалась вдвое, и концы ниспадали къ поясу,—вотъ и вся основная часть одѣянія; къ этому надо прибавить только большой четырехугольный кусокъ матеріи, который набрасывали на себя сверху, какъ мантию, а для женщины, когда она выходила изъ дому,—покрывало и, довольно обычно, сандаліи. Сократъ носилъ сандаліи только по праздникамъ. Очень часто греки ходили босые и съ непокрытой головой. Всѣ эти одѣянія можно было сбросить однимъ

¹⁾ Дикеархъ (Δικαιάρχης) — греческій философъ, ученикъ Аристотеля (IV в. до Р. Х.). Онъ сдѣлалъ описаніе Греціи въ естественномъ, политическомъ и нравственномъ отношеніяхъ, въ 3-хъ книгахъ, но до насъ дошло только 2 отрывка; философскія сочиненія его всѣ утрачены.

движеніемъ руки; нисколько не стягивая галіи, они хорошо обрисовывали формы, а въ отверстія ихъ и при движеніяхъ видно было обнаженное тѣло.

Въ гимназіяхъ ¹⁾, на стадіи ²⁾, при исполненіи многихъ торжественныхъ танцевъ греки совершенно освобождались отъодеждъ: „грекамъ свойственно ничего не закрывать“, говоритъ Плиній ³⁾. Одежда являлась у нихъ лишь небольшой подробностью, которую можно было скинуть въ одно мгновенье.

Той же простотой отличалась и другая оболочка чело-вѣка—его домъ. Подсчитайте все, что въ наше время составляетъ сносное жилище: большая постройка изъ обтесаннаго камня, окна, рамы, обои, окраска, ставни, двойныя и тройныя занавѣси, печи, камины, ковры, кровати, мебель для сидѣнья, мебель другихъ сортовъ, безчисленное количество разныхъ бездѣлушекъ, хозяйственная утварь и предметы роскоши; сопоставьте это съ греческимъ обиходомъ: выбѣлennыя известкой и даже во времена Перикла ⁴⁾ неоклеенныя обоями стѣны, которыя каждый воръ можетъ проломить, постель съ покрывалами, сундукъ, нѣсколько красивыхъ разрисованныхъ вазъ, развѣшанное по стѣнамъ оружіе, лампы совершенно первобытнаго устройства, маленькій домикъ, имѣющій часто только одинъ этажъ,—и этого было достаточно для знатнаго афинянина. Онъ жилъ на воздухѣ, подъ портиками ⁵⁾, на агорѣ ⁶⁾, въ гимназіяхъ. И общественныя зданія, въ которыхъ онъ находилъ пріютъ

¹⁾ См. гл. III, § 5.

²⁾ Стадія—площадь, на которой происходили состязанія въ бѣгѣ, борьбѣ, метаніи дисковъ и т. п.

³⁾ Плиній Старшій—римскій ученый (23—79 г. послѣ Р. Х.). Въ своей „Естественной исторіи“ онъ собралъ массу разнообразныхъ знаній; погибъ при изверженіи Везувія.

⁴⁾ Периклъ—знаменитый государственный дѣятель Афинъ, V в. до Р. Х.

⁵⁾ Портиками называлась галлерей, состоящая изъ поддержки вающихъ крышу колоннъ и открытая или съ одной стороны, если была расположена вдоль стѣны зданія, или съ обѣихъ сторонъ, если не примыкала къ зданію.

⁶⁾ Агора—городская площадь.

для своей общественной жизни, были такъ же скромны, какъ и его частное жилище. Въ Греціи театръ вмѣщалъ отъ тридцати до сорока тысячъ зрителей и стоилъ въ двадцать разъ меньше современнаго, потому что расходы брала, такъ сказать, на себя природа: на склонѣ холма высѣкались амфитеатромъ ступени; внизу, въ центрѣ, устраивался жертвенникъ; для резонанса голоса актера воздвигалась высокая стѣна съ лѣпными украшеніями; солнце замѣняло люстру, а декораціями для задняго фона служили—то сверкающее море, то группа горъ, которымъ свѣтъ придавалъ бархатистый оттѣнокъ.

Теперь государство включаетъ отъ 30 до 40 милліоновъ жителей, разсѣянныхъ по обширному пространству во много сотенъ квадратныхъ миль. Благодаря этому оно прочнѣе, чѣмъ античное государство-городъ, но зато и гораздо сложнѣе; люди, занимающіе въ немъ какія-нибудь мѣста, должны обладать спеціальными знаніями, потому что общественныя должности становятся повсюду такими же спеціальностями, какъ и всякія другія. Масса населенія привлекается къ общественнымъ дѣламъ только время отъ времени, путемъ участія въ выборахъ. Она живетъ или прозябаетъ въ провинціи, не имѣя возможности составить себѣ собственное и точное мнѣніе объ этихъ дѣлахъ, довольствуется неопредѣленными впечатлѣніями и смутными переживаніями и принуждена отдаваться въ руки людей болѣе образованныхъ, которыхъ она посылаетъ въ столицу и которые замѣщаютъ ее, когда надо рѣшать вопросы о войнѣ, мирѣ или о налогахъ.

Аѳинянинъ, напротивъ, лично разрѣшалъ дѣла, касавшіяся общественныхъ интересовъ. Пять или шесть тысячъ жителей выслушивали ораторовъ и подавали голосъ на общественной площади, куда приходили какъ для принятія какого-либо постановленія или закона, такъ и для продажи вина и оливокъ. Благодаря тому, что вся территорія государства состояла изъ предмѣстья города, деревенскому жителю приходилось проходить почти такое же разстояніе, какъ и горожанину. Болѣе того, дѣла, подвергавшіяся его разсмотрѣнію, были доступны ему, они составляли, такъ сказать,

интересы его же колоколни, потому что государство совмѣщалась съ городомъ. Ему не трудно было понять, какого направленія надо держаться по отношенію къ Мегарѣ или Коринѳу; для этого онъ могъ довольствоваться своимъ личнымъ опытомъ, своими повседневыми впечатлѣніями; ему не надо было дѣлаться профессиональнымъ политикомъ, обладающимъ познаніями по географіи, исторіи, статистикѣ и остальнымъ областямъ. Подобнымъ же образомъ онъ совершалъ въ своемъ домѣ богослуженія и время отъ времени исполнялъ обязанности главнаго жреца въ своей фратріи ¹⁾ или въ родѣ, потому что его религія—это прелестная нянюшкина сказка; выполняемые имъ обряды состояли въ какомъ-нибудь танцѣ или въ извѣстной ему съ дѣтства пѣснѣ, или въ трапезѣ, гдѣ онъ, облеченный въ особое одѣяніе, игралъ роль предсѣдателя. Кромѣ того, онъ бывалъ судьей въ гражданскихъ, уголовныхъ и религіозныхъ дѣлахъ или выступалъ въ качествѣ защитника и обязанъ былъ самъ отстаивать на судѣ свое дѣло. Какъ южанинъ, грекъ естественно обладалъ быстрой сообразительностью и умѣлъ красно говорить; онъ въ общихъ чертахъ зналъ законы, и тяжущіяся стороны приводили ихъ ему; кромѣ того, обычай позволялъ судьямъ руководиться въ такой же мѣрѣ своимъ непосредственнымъ чувствомъ, здравымъ смысломъ, душевными движеніями и страстями, какъ и точнымъ закономъ и доводами, на немъ основанными. Былъ ли грекъ богатъ или бѣденъ—онъ обязанъ былъ нести воинскую повинность, и, благодаря несложности военного искусства, армію составляло народное ополченіе. Для того, чтобы создать такое войско и имѣть хорошихъ солдатъ, надо было удовлетворить двумъ условіямъ, которыя вытекали изъ общаго образованія, не требуя спеціальнаго обученія, военныхъ школъ, казарменной дисциплины и казарменныхъ упражненій.

Съ одной стороны, греки хотѣли, чтобы каждый солдатъ былъ возможно болѣе сильнымъ, гибкимъ и ловкимъ,

¹⁾ Фратрія—союзъ нѣсколькихъ родовъ въ Атикѣ. Всѣхъ фратрій въ Аѣинахъ было 12: каждая имѣла своихъ боговъ.

чтобы онъ умѣлъ возможно лучше наносить и отражать удары, и уклоняться отъ нихъ; этому юношей обучали въ гимназіяхъ. Съ другой стороны, они стремились къ тому, чтобы солдаты умѣли ходить, бѣгать, совершать въ стройномъ порядкѣ всякія движенія; для того достаточно было орхестрики ¹⁾: всѣ ихъ національные и религіозные праздники приучали дѣтей и юношей къ искусству строиться въ группы и рассыпаться. Понятно, что благодаря этимъ обычаямъ граждане уже были подготовлены къ военнымъ занятіямъ и потому дѣлались солдатами сразу и безъ усилій.

Не больше подготовки требовалось и для моряковъ. Въ то время военный корабль былъ тѣмъ же каботажнымъ судномъ, поднимавшимъ самое большее 200 чело-вѣкъ и никогда не терявшимъ изъ виду береговъ. Въ портовомъ городѣ, жившемъ морской торговлей, не было никого, кто не зналъ бы приемовъ управленія такимъ кораблемъ, кто не умѣлъ бы или не научался бы очень скоро угадывать погоду, возможность вѣтра, положеніе въ морѣ и разстояніе, т. е. ознакомиться съ той технической стороной дѣла, которой у насъ матросъ или морской офицеръ овладѣваетъ только черезъ 10 лѣтъ обученія и практики.

Всѣ особенности античной жизни опредѣляются одной и той же причиной—простотой ихъ цивилизаціи, не имѣющей предшественниковъ, и всѣ приводятъ къ одному и тому же результату—къ простотѣ вполнѣ уравновѣшенной души, въ которой ни одна группа способностей и склонностей не развилась въ ущербъ другимъ, которая не получила никакого исключительнаго направленія и не изуродовалась никакимъ спеціальнымъ занятіемъ.

Въ настоящее время есть люди образованные и невѣжественные, горожане и крестьяне, провинціалы и столичные жители; кромѣ того, столько же различныхъ видовъ людей, сколько классовъ, профессій и ремеслъ; всюду отдѣльный чело-вѣкъ какъ бы заключенъ за сдѣланную имъ самимъ загородку и осаждается множествомъ созданныхъ имъ потребностей.

¹⁾ Одинъ изъ видовъ греческой гимнастики.

Грекъ былъ менѣе искусственнымъ, менѣе специализированнымъ, менѣе удаленнымъ отъ естественнаго состоянія и дѣйствовалъ въ политическомъ кругу, который былъ лучше приуроченъ къ человѣческимъ способностямъ; онъ жилъ въ обществѣ, нравы котораго болѣе способствовали поддержанію его животныхъ свойствъ: находясь ближе къ естественной жизни, въ меньшемъ рабствѣ отъ разрастающейся цивилизаціи, онъ былъ болѣе человѣкомъ.

(Taine. Philosophie de l'art, т. II, стр. 154—168).

8. Дѣленіе времени.

1. Эра. Въ теченіе долгаго времени греческія государства не имѣли общепринятаго лѣтосчисленія. Каждое изъ нихъ обозначало свои государственные документы именемъ мѣстнаго должностнаго лица, называемаго эпонимомъ. Таковы были эфоры въ Спартѣ, косметы на островѣ Критѣ, архонты въ Аѣинахъ, пританы на островѣ Хіосѣ. Въ IV вѣкѣ, не отказываясь отъ этого обычая, стали считать по олимпіадамъ. Это лѣтосчисленіе начинается съ 776 года до Р. Х. Такъ какъ олимпіада обнимала періодъ въ четыре года, то греческая дата означалась слѣдующимъ образомъ: олимпіада 100, годъ 1-ый, 2-ой, 3-ій, 4-ый. Чтобы перевести на христіанское лѣтосчисленіе годъ, выраженный въ олимпіадахъ, на примѣръ, олимпіаду 75,1 (годъ Саламинской битвы), надо (75—1) умножить на 4 и произведеніе (296) вычесть изъ 776; такимъ образомъ получится 480 годъ до Рожд. Хр.

2. Мѣсяцы. Греческій годъ состоялъ изъ 12 лунныхъ мѣсяцевъ, заключавшихъ по 30 и 29 дней—поочередно. Лунный годъ имѣлъ, такимъ образомъ, 354 дня, или на 11 дней меньше солнечнаго года. Чтобы сгладить разницу, аѣиняне придумали дѣлать въ теченіе каждыхъ 8 лѣтъ прибавку трехъ мѣсяцевъ по 30 дней, которые вставлялись на 3-й, 5-й и 8-й годы. Такъ какъ этого все же было недостаточно, то каждые 16 лѣтъ прибавляли еще 3 дополнительныхъ дня.

Годъ начинался не вездѣ въ одно и то же время. Въ Аѳинахъ онъ наступалъ въ день лѣтняго солнцестоянія (9-го іюня), на островѣ Делосѣ—въ день зимняго солнцестоянія (9-го декабря), въ Беотіи—въ октябрѣ.

Мѣсяцы въ разныхъ областяхъ носили различныя названія. Аѳинскій календарь былъ таковъ:

Гекатомбеонъ (около іюля).	Гамеліонъ (около января).
Метагитніонъ (около августа).	Анѳестеріонъ (около февраля).
Боедроміонъ (около сентября).	Елафеболіонъ (около марта).
Піанепсіонъ (около октября).	Мунихіонъ (около апрѣля).
Мемактеріонъ (около ноября).	Θаргеліонъ (около мая).
Посидеонъ (около декабря).	Скирофоріонъ (около іюня) ¹⁾ .

Дополнительный мѣсяць вставлялся послѣ Посидеона и носилъ названіе второго Посидеона.

3. Дни. Каждый мѣсяць раздѣлялся на 3 декады. Дни назывались слѣдующимъ образомъ:

1. Νομηνία (новолуніе).	16. Ἐκτῆ ἐπὶ δέκα.
2. Δευτέρα Ἰσταμένου (второй день начинающагося мѣсяца).	17. Ἑβδόμη ἐπὶ δέκα.
3. Τρίτη Ἰσταμένου.	18. Ὀγδόη ἐπὶ δέκα.
4. Τετράς "	19. Ἐνάτη ἐπὶ δέκα.
5. Πέμπτη "	20. Εἰκάς.
6. Ἑκτῆ "	21. Δεκάτη φθίνοντος (десятый день кончающагося мѣсяца, считая отъ послѣдняго дня).
7. Ἑβδόμη "	22. Ἐνάτη φθίνοντος
8. Ὀγδόη "	23. Ὀγδόη "
9. Ἐνάτη "	24. Ἑβδόμη "
10. Δεκάτη "	25. Ἑκτῆ "
11. Ἐνδεκάτη или πρώτη ἐπὶ δέκα или πρώτη μεσοῦντος (середина).	26. Πέμπτη "
12. Δωδεκάτη.	27. Τετράς "
13. Τρίτη ἐπὶ δέκα.	28. Τρίτη "
14. Τετράς ἐπὶ δέκα.	29. Δευτέρα "
15. Πέμπτη ἐπὶ δέκα.	30. Ἐνῆ καὶ νέα (старая и новая луна).

¹⁾ По новому стилю. Установить соотвѣтствіе греческихъ мѣсяцевъ съ современными можно только приблизительно.

Въ мѣсяцахъ, имѣющихъ 29 дней, этотъ 29-ый день назывался не *δευτέρα φθίνοντος*, а *ἔννη καὶ νέα*.

Очень вѣроятно, что вначалѣ греки отличали только день и ночь. Съ теченіемъ времени, по мѣрѣ возрастающаго разнообразія занятій ихъ общественной жизни, количество подраздѣленій дня увеличилось. Вообще сутки стали дѣлиться на 6 частей: 3 приходились на день (*πρωῆ, μεσημέρις, δεῖλη*) и 3 на ночь (*ἑσπέρα, μέση νύξ, ἕως*). Были также еще довольно неопредѣленныя обозначенія, какъ *ἔρθρος* (время вставанія); *περὶ πλήθουσταν ἀγορᾶν* (когда агора полна народомъ, т.-е. между утромъ и полднемъ); *περὶ λύχνων ἀφάς* (когда зажигаются свѣтильники); *περὶ πρώτου ὕπνου* (время перваго сна). Во время лагерной жизни ночь дѣлилась на три стражи (*φυλακαί*). Только послѣ Александра Великаго ¹⁾ начало сутокъ стали считать съ восхода солнца; раньше же его относили къ заходу солнца.

Въ древности день и ночь дѣлили на 12 часовъ, начиная съ восхода солнца, такъ что полдень совпадалъ съ началомъ 7-го часа дня, а полночь—съ началомъ 7-го часа ночи. Слово *ῥαι* въ смыслѣ ч а с а вошло въ обиходъ только во второй половинѣ IV вѣка. Продолжительность часовъ была неодинакова въ разное время года, потому что она находилась въ зависимости отъ длины дня и ночи; одни только астрономы считали время, какъ и мы, одинаковыми по продолжительности часами. Въ эпоху Демосѳена ²⁾ употреблялись водяные часы, или клепсидры, на которыхъ время измѣрялось количествомъ воды, вытекавшей равномерно изъ резервуара. (Reinach. *Traité d'épigraphie grecque*, стр. 473 и сл. Гау.

Минерва, стр. 77 и сл.).

9. Мѣры, вѣсъ и монеты.

Мѣры длины (аттическія).

Палець (<i>δάκτυλος</i>)	1,93 снт.	(0,43 вершка)
Ладонь (<i>παλαιστή</i>)	4 пальца = 7,71	" (1,72 ")
Пядь (<i>σπιθαμή</i>)	12 пальцевъ = 23,12	" (5,16 ")
Ступня (<i>πούς</i>)	16 пальцевъ = 30,83	" (6,94 ")
Локоть (<i>πῆχυς</i>)	1½ ступни = 46,24	" (10,4 ")

¹⁾ Т. е. съ конца IV вѣка до Р. Х.

²⁾ Т. е. въ IV в. до Р. Х.

Оргюя (<i>ὄργυια</i>)	4 локтя	=	1 метр. 85 снт.	(2 ар. 9,6 вер.)
Плетръ (<i>πλέθρον</i>) 100 ступней		=	30 " 83 "	(14,45 саж.)
Стадія (<i>στάδιον</i>)	6 плетровъ	=	184 " 98 "	(86,7 саж.)

Мѣры поверхности (аттическія).

Квадратная ступня	9,5 кв. м.	(около 3-хъ кв. ар.)
Квадратный плетръ	950 кв. м.	(около 200 кв. саж.)

Мѣры емкости (аттическія).

Для жидкостей.

Метреть	39,39 литра	(около 3,17 ведра)
Хусь	3,283 "	(" 2,7 кружки)
Котила	0,2736 "	(" 0,2 ")
Кіаѳъ	0,0456 "	(" 0,03 ")

Для сыпучихъ тѣлъ.

Медимнь	52,53 литра	(около 2-хъ четвериковъ)
Гектей	8,754 "	(" 2,7 гарнца)
Хеника	1,094 "	(" $\frac{1}{3}$ ")

Эгинскія мѣры, употреблявшіяся въ Спартѣ и на Пелопоннесѣ, были приблизительно на $\frac{1}{3}$ больше.

Аттическіе вѣсъ и деньги послѣ Солона ¹⁾.

Халкъ ($\frac{1}{8}$ оболы)	0,091 грам.	=	(около — р. 0.75 коп.)
Оболь	0.728 "	=	" — " 6 "
Драхма (6 оболовъ)	4,366 "	=	" — " 37 "
Мина (100 драхмъ)	436,6 "	=	" 37 " — "
Талантъ (60 минъ)	26,196 "	=	" 2220 " — "

Цѣнность денегъ не была неизмѣнной. По вычисленіямъ ученыхъ, въ эпоху Александра Македонскаго талантъ стоилъ около 2200 р., а послѣ Александра цѣна его пала до 2150 р.

¹⁾ Переводъ стоимости греческихъ денегъ на современныя можетъ быть только приблизительнымъ. При вычисленіи съ франковъ на рубли, стоимость франка принималась около 38 коп.

Греческія монеты.

Греческія монеты.

Эти измѣненія зависѣли отъ количества чистаго серебра, заключавшагося въ деньгахъ.

(Hultsch. Griechische und römische Metrologie, стр. 234, 697, 700, 703, 705; 2-ое изд.).

10. Способъ счисленія.

У грековъ было нѣсколько нумерацій.

1. Нумерація акронимическая, которая были почти единственной между 600 и 400 г. до Р. Х. Она состояла въ томъ, что для обозначенія цифры брали первую букву слова, означавшаго число. Единица же изображалась просто вертикальной чертой.

Ι	= 1	Χ (χίλια)	= 1000
Π или Γ (πέντε)	= 5	Μ (μύρια)	= 10.000
Δ (δέκα)	= 10	Половина единицы (ἡμισυ)		
Η (ἑκατόν)	= 100	обозначалась С.		

2. Нумерація азбучная, которая вошла въ употребленіе съ 500 г. и состояла въ томъ, что 24 буквы по-

лучали численное значеніе ихъ мѣста въ алфавитномъ порядкѣ:

A= 1	H= 7	N=13	T=19
B= 2	Θ= 8	Ξ=14	Υ=20
Γ= 3	I= 9	O=15	Φ=21
Δ= 4	K=10	Π=16	X=22
E= 5	Λ=11	P=17	Ψ=23
Z= 6	M=12	Σ=18	Ω=24

3. Нумерація алфаветическая, десятичная. Въ ней 10 первыхъ буквъ алфавита со значкомъ сверху съ правой стороны означали цифры отъ 1 до 10:

α' = 1	$\xi'^1)$ = 6
β' = 2	ζ' = 7
γ' = 3	η' = 8
δ' = 4	θ' = 9
ϵ' = 5	ι' = 10

Тѣ же самыя буквы, если къ нимъ слѣва приставляли ι , обозначали числа отъ 11 до 19:

$\iota\alpha'$ = 11
$\iota\beta'$ = 12
$\iota\theta'$ = 19

Десятки изображались девятью буквами, слѣдовавшими за ι :

κ' = 20	σ' = 70
λ' = 30	π' = 80
μ' = 40	$\zeta' ^2)$ = 90
ν' = 50	ρ' = 100
ξ' = 60	

Для сотенъ брались восемь слѣдующихъ буквъ:

σ' = 200	χ' = 600
τ' = 300	ψ' = 700
υ' = 400	ω' = 800
φ' = 500	$\theta' ^3)$ = 900

¹⁾ Стигма

²⁾ Коппа

³⁾ Сампи

} буквы, вышедшія изъ употребленія.

Тысячи означались девятью первыми буквами алфавита со значкомъ внизу съ лѣвой стороны:

α = 1000	ϵ = 6000
β = 2000	ζ = 7000
γ = 3000	η = 8000
δ = 4000	θ = 9000
ε = 5000	

Для обозначенія 10000, 20000, 30000 и т. д. надъ этими же буквами сверху ставились двѣ точки:

α = 10000	ζ'' = 60000
β = 20000	ζ' = 70000
γ = 30000	η'' = 80000
δ = 40000	θ'' = 90000
ε = 50000	ι = 100000

Обозначенія денегъ были таковы:

Γ = 1 талантъ.
Π = 5 талантовъ.
Δ = 10 „
Θ = 100 „
Φ = 500 „
χ = 1000 „

Γ = 1 драхма.
Π = 5 драхмъ.
Δ = 10 „
Φ = 50 „
Θ = 100 „
Φ = 500 „
χ = 1000 „
Π = 5000 „

(Bouché-Leclercq. Atlas pour servir à l'hist. gr., стр. 107—109).

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СЕМЬЯ.

Содержаніе: 1. Первобытная семья.—2. Религія, какъ основа семьи.—3. Безбрачіе.—4. Цѣль брака въ Греціи.—5. Религіозные свадебные обряды.—6. Приданое.—7. Аѳинская женщина.—8. Роль женщины въ домѣ по Ксенофонтѣ.—9. Спартанскія женщины.—10. Энергія спартанскихъ женщинъ.—11. Мужество аргивянокъ.—12. Разводъ.—13. Обряды на 7-й и на 10 день послѣ рожденія.—14. Собственныя имена.—15. Усыновленіе.—16. Отцовская власть.—17. Обязанности дѣтей по отношенію къ родителямъ.—18. Правила наслѣдованія.—19. Духовное завѣщаніе.—20. Завѣщаніе Платона.—21. Дочь-наслѣдница.—22. Опека.

1. Первобытная семья.

Семья въ первобытной Греціи (γένος) значительно отличалась отъ той семьи, какую мы наблюдаемъ въ послѣдствіи, въ V и IV вѣкахъ. Прежде она была очень многочисленной, и члены ея жили всѣ вмѣстѣ подъ одной кровлей. Гомеръ, не проводящій никакого различія между учрежденіями грековъ и троянцевъ, такъ описываетъ дворецъ Пріама:

. . . Въ самомъ чертогѣ
Шли пятьдесятъ изъ блестящаго мрамора спальныхъ покоевъ.
Въ этихъ покояхъ, одинъ отъ другого построенныхъ близко,
Подлѣ законныхъ супруговъ сыновья почивали Пріама.
Для дочерей же съ другой стороны во дворѣ находилось
Комнатъ двѣнадцать изъ гладкаго мрамора, сверху покрытыхъ.
Въ этихъ покояхъ, одинъ отъ другого построенныхъ близко,
Подлѣ стыдливыхъ супруговъ зятя почивали Пріама ¹⁾

¹⁾ Иліада, пер. Минскаго, п. VI, ст. 244 и сл.

Позже, когда эта семья ($\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$) замѣнилась $\sigma\acute{\iota}\kappa\omicron\varsigma$, т. е. семьей въ современномъ значеніи этого слова, пытались разсматривать первую, какъ фиктивный союзъ, гдѣ родство не играло никакой роли. Между тѣмъ, намъ извѣстно, что къ членамъ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\eta$ прилагался еще эпитетъ $\epsilon\mu\omicron\gamma\acute{\alpha}\lambda\alpha\kappa\tau\epsilon\varsigma$ (вскормленные однимъ и тѣмъ же молокомъ), а это опредѣленно указываетъ на кровное родство. Впрочемъ, тогда придавали мало значенія тому обстоятельству, вступилъ ли кто-нибудь въ семью по рожденію или путемъ усыновленія. Приемный сынъ игралъ въ ней такую же роль, какъ и сынъ родной; его присутствіе не было нарушеніемъ правила, требующаго, чтобы всѣ члены семьи ($\gamma\epsilon\nu\eta\tau\alpha\iota$) находились въ кровномъ родствѣ; приобщеніе къ культу новаго дома совершенно отрывало человѣка отъ его настоящаго отца и давало ему другаго, приемнаго.

Такимъ образомъ, $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ представлялъ собой союзъ людей, ведшихъ свое происхожденіе отъ одного общаго предка. Но при этомъ необходимо было выполненіе одного условія. Эти лица входили въ составъ $\gamma\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$, они считались родственниками только въ томъ случаѣ, если ихъ связь съ ихъ болѣе или менѣе отдаленнымъ предкомъ основывалась на родствѣ по мужской линіи. Дѣти сестры и дѣти брата были другъ для друга чужими.

Глава семьи пользовался громадной властью; обыкновенно власть эта находилась въ рукахъ отца. Если отецъ умиралъ, она переходила къ его старшему сыну, и *pater familias* ¹⁾ въ этомъ случаѣ былъ самый старшій изъ находящихся въ живыхъ братьевъ. Извѣстно, кромѣ того, что слово *pater* „заключало въ себѣ не только идею родства, но и идею власти“ ²⁾, и что оно именно служило для обозначенія верховной власти боговъ. Въ принципѣ у грековъ отецъ имѣлъ абсолютное право надъ жизнью и смертью своихъ дѣтей. Онъ могъ по своему произволу лишить ихъ жизни даже въ томъ случаѣ, когда они были совершенно

¹⁾ *Pater familias*—отецъ семьи.

²⁾ Слова французскаго ученаго Фюстель де-Куланжа (*Fustel de Coulanges* (1830—1889).

невинны. Лай узналъ черезъ оракула, что его сынъ Эдипъ ¹⁾ сыграетъ въ его жизни роковую роль; для предотвращения этой опасности онъ приказываетъ бросить его на пустынную гору. Противные вѣтры препятствуютъ отплытію ахейскаго флота, и Агамемнонъ не колеблется принести въ жертву свою дочь Ифигенію, чтобы смягчить гнѣвъ боговъ. Тѣмъ большее право имѣлъ отецъ распоряжаться дѣтьми въ случаѣ ихъ виновности. Драконъ ²⁾ не установилъ никакого наказанія за отцеубійство, потому что карать это преступленіе было правомъ исключительно главы дома. Въ Аѣинахъ рассказывали исторію одного архонта конца VIII вѣка, который, чтобы наказать свою дочь за дурное поведеніе, отдалъ ее на съѣденіе лошади. До Солона ³⁾ отецъ имѣлъ право продавать своихъ дочерей, а братъ, если онъ самъ былъ главой семьи,—своихъ сестеръ. Для этого не нужно было, чтобы онѣ совершили какой-нибудь предосудительный поступокъ,—достаточно было отцу впасть въ нужду. Старые законодатели—Солонъ, Питтакъ, Харондъ ⁴⁾ признавали право отца изгонять изъ дому сына за недостатокъ почтительности по отношенію къ нему. По Гомеру бракъ есть договоръ двухъ главъ семей; въ большинствѣ случаевъ о чувствахъ будущихъ супруговъ даже и не справлялись. Подарки, которые женихъ предлагалъ своему будущему тестю, являлись настоящей покупной платой; иногда происходило даже нѣчто вродѣ аукціонныхъ продажъ молодыхъ дѣвушекъ.

Первой семейной обязанностью женщины было повиновеніе. Пенелопа спускается изъ своей комнаты, чтобы попросить пѣвца Фемія прекратить вызывавшую въ ней тоску пѣсню. Но едва она, закрывъ лицо покрываломъ,

¹⁾ Имя героя греческихъ сказаній и трагедій.

²⁾ Драконъ—по преданію аѣинскій законодатель VII вѣка до Р. X.

³⁾ Солонъ—знаменитый аѣинскій законодатель, жилъ во второй половинѣ VII и первой—VI вѣка.

⁴⁾ По преданію Питтакъ—греческій мудрецъ и законодатель изъ г. Митилены, конца VII и начала VI вѣка до Р. X. Харондъ—изъ г. Катаны, той же эпохи.

показывается на порогѣ комнаты, какъ сынъ ея, Телемакъ, обращается къ ней съ такими словами:

„... Удались: занимайся, какъ должно, порядкомъ хозяйства, Пряжей, тканьемъ; наблюдай, чтобъ рабыни прилежны въ работѣ. Были своей: говорить же—не женское дѣло, а дѣло Мужа, и нынѣ мое; у себя я одинъ ¡повелитель“ 1) ”

Всѣ эти черты свидѣтельствуяютъ, что вначалѣ [эллинской семьей деспотически управлялъ глава ея. Власть отца устанавливала между всѣми ея членами тѣсную связь и препятствовала распаденію этой группы.

Время отъ времени случалось, конечно, что или какой-нибудь недостойный человѣкъ изгонялся изъ семьи, или кто-нибудь изъ мужчинъ, движимый капризомъ, духомъ неповиновенія, желаніемъ поискать счастья въ другомъ мѣстѣ,—уходилъ добровольно.

Но оставшіеся подлѣ господина являлись по отношенію къ нему какъ бы подданными самодержавнаго государя. Всѣ члены семьи были тѣсно связаны другъ съ другомъ. Если одинъ изъ нихъ бралъ въ долгъ у чужого, за этотъ долгъ была отвѣтственна вся община.

Если кто-нибудь изъ нихъ становился жертвой или виновникомъ преступленія, вся семья соединялась, чтобы требовать вознагражденія или, наоборотъ, вознаградить потерпѣвшихъ. Семья владѣла имуществомъ, но это имущество, въ особенности недвижимое, было общей собственностью всѣхъ. Земля принадлежала не главѣ семьи, а всему γένος, и глава ея только, такъ сказать, хранилъ и охранялъ семейное достояніе. Болѣе того, каждое поколѣніе, смѣнявшее другъ друга на этой нераздѣленной земельной собственности, было обязано передать ее слѣдующему поколѣнію по крайней мѣрѣ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно само получило это владѣніе, потому что каждое изъ поколѣній составляло на самомъ дѣлѣ лишь одинъ моментъ въ существованіи семьи; ни одно изъ нихъ не имѣло права присвоить себѣ плоды долгаго труда своихъ предшественниковъ; оно могло пользоваться ими, но должно было предоставить эту же

1) Одиссея, пер. Жук., п. 1, ст. 352 и сл.

возможность и своимъ преемникамъ. Платонъ правильно выражаетъ идеи древнихъ по этому вопросу, говоря: „Я не разсматриваю ни васъ, ни ваши имущества, какъ ваше личное достояніе, но думаю, что и то, и другое принадлежитъ вашей семьѣ въ ея цѣломъ, т. е. какъ потомству, такъ и предкамъ“.

Многочисленныя причины вызвали постепенное разложеніе патріархальной семьи. Различныя вѣтви одного и того же γένος со-временемъ обособились другъ отъ друга; каждая супружеская чета выдѣлилась, чтобы жить своей собственной жизнью, поддерживая съ родственными семьями не болѣе тѣсныя отношенія, чѣмъ тѣ, какія существуютъ въ современномъ обществѣ. Воспоминаніе о старинномъ единствѣ проявлялось иногда лишь въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ и судебныхъ актахъ. Старый духъ единенія, какъ это всегда случается, поддерживался долѣе всего въ аристократическихъ и особенно въ жреческихъ фамиліяхъ, хотя и во все болѣе и болѣе слабѣющихъ формахъ.

2. Религія, какъ основа семьи.

Чтобы понять организацію эллинской семьи, надо принять во вниманіе одно явленіе, которое вполне выяснено историкомъ Фюстель де-Куланжемъ и которое совершенно противорѣчитъ нашимъ представленіямъ.

Греки думали, что умершіе продолжаютъ жить въ могилахъ. Жизнь эта носила не вполне духовный характеръ, потому что мертвый нуждался въ пищѣ и питьѣ, какъ и во время своего земного существованія. „Я выливаю на могилу“, говоритъ Ифигенія у Эврипида ¹⁾), „молоко, медъ и вино, потому что все это даетъ радость тѣнямъ усопшихъ“. Орестъ ²⁾ обращается съ такой молитвой къ своему покойному отцу: „Пока я живъ, ты будешь получать богатую пищу, но если я умру, ты не станешь принимать

¹⁾ Эврипидъ — см. прим. на стр. 4. Ифигенія — героиня его трагедій.

²⁾ Орестъ — герой трагедіи Эврипида того же названія.

участіе въ дымящихся трапезахъ, которыми питаются умершіе“.—„Мертвые“, пишетъ Лукіанъ ¹⁾), „ѣдятъ кушанья, которыя мы кладемъ на ихъ могилы, и пьютъ выливаемое туда вино; такимъ образомъ, покойникъ, не получающій никакихъ приношеній, обреченъ на постоянный голодъ“. (Фюстель де-Куланжъ. Гражданская община древняго міра). Сынъ долженъ строго выполнять обязанность доставленія отцу необходимой пищи; къ этому долгу его побуждала не только благодарность, но и эгоистическіе интересы. Умершіе въ извѣстномъ смыслѣ были дѣйствительно „священными существами“. Древніе прилагали къ нимъ самыя почтительныя эпитеты, какіе они только могли найти. Называя ихъ добрыми, святыми, блаженными, они оказывали умершимъ все то почтеніе, какое человѣкъ можетъ питать къ божеству, внушающему ему любовь или страхъ. Согласно ихъ воззрѣніямъ, каждый умершій былъ божествомъ. Могущественный въ добрѣ и въ злѣ умершій приносилъ своимъ роднымъ счастье или несчастье, въ зависимости отъ того, пользовался ли онъ самъ ихъ уваженіемъ или находился въ пренебреженіи.

Такимъ образомъ, каждая семья въ лицѣ своихъ предковъ имѣла своихъ собственныхъ боговъ, а слѣдовательно, и свою собственную религію. Религія эта отличалась крайней исключительностью: мертвые не принимали жертвоприношеній отъ каждаго встрѣчнаго, имъ были пріятны только дары ихъ потомковъ; посторонній былъ для нихъ незнакомцемъ, почти врагомъ. Поэтому необходимы были многочисленныя предосторожности, чтобы потомство никогда не прекращалось. Кромѣ того, въ случаѣ вступленія въ семью посторонняго, надо было пріобрѣсти его къ домашнему культу и представить богамъ. Изъ этихъ двухъ основныхъ положеній вытекали и всѣ правила, руководящія жизнью эллинской семьи.

3. Безбрачіе.

И религія и общественные интересы въ Греціи объединялись въ борьбѣ съ безбрачіемъ. Если государство было

¹⁾ Лукіанъ—греческій философъ-сатирикъ (жилъ во II в. по Р. Х.).

заинтересовано въ томъ, чтобы путемъ увеличенія количества браковъ увеличивалось число гражданъ и солдатъ, то не менѣе важно было обезпечить постоянное существованіе семьи и дать увѣренность предкамъ въ непрерывности культа, который имъ должны были воздавать. Слѣдовательно, человекъ, не вступившій въ бракъ, дѣлался виновнымъ въ двойномъ преступленіи: противъ предковъ и противъ общества.

Платонъ (въ своемъ сочиненіи „Законы“) высказываетъ пожеланіе, чтобы мужчины женились между 30 и 35 годами. „Если кто отказывается взять жену“, говоритъ онъ, „тотъ совершаетъ преступленіе. Человекъ, пренебрегающій этой обязанностью, будетъ подвергаться ежегодному штрафу, чтобы онъ не воображалъ, будто удобно и выгодно быть холостымъ; кромѣ того, онъ не будетъ пользоваться тѣми почестями, которыя молодежь воздаетъ людямъ пожилого возраста“. Въ одномъ мѣстѣ другого своего сочиненія, „Пиръ“, Платонъ намекаетъ на законы, устанавливающіе обязанность женитьбы. Этотъ текстъ вмѣстѣ со свидѣтельствомъ Плутарха и Поллукса ¹⁾ указываетъ, повидимому, что даже въ Аѳинахъ безбрачіе подвергалось наказанію. Молчаніе же аттическихъ ораторовъ относительно этого вопроса служитъ только указаніемъ, что въ теченіе IV вѣка законъ этотъ мало-по-малу пересталъ примѣняться. Однако отъ стариннаго запрещенія кое-что сохранилось, если правильно утвержденіе Динарха ²⁾ (Демосѳенъ, 71), будто ораторъ и военачальникъ, желающіе заслужить довѣріе народа, должны были засвидѣтельствовать, что у нихъ есть законныя дѣти. Въ Спартѣ наказанію подвергались не только холостые, но даже женившіеся поздно или худо; но каковы были наказанія, неизвѣстно. Плутархъ и Атенеи ³⁾ говорятъ только, что холостяки служили мишенью для насмѣшекъ и что юноши питали къ нимъ мало уваженія. Во всякомъ случаѣ, они не теряли правъ гра-

¹⁾ Плутархъ—см. прим. на стр. 11.—Поллуксъ—греческій ученый II в. по Р. Х.

²⁾ Динархъ—греческій ораторъ, жившій въ IV и началѣ III в. до Р. Х.

³⁾ Атенеи—греческій писатель конца II и начала III вѣка.

жданства, потому что одинъ знаменитый полководецъ былъ, какъ намъ извѣстно, не женатъ.

4. Цѣль брака въ Греціи.

Въ первобытной Греціи думали, что бракъ заключается только для обезпеченія постоянного существованія семьи и непрерывности наслѣдственныхъ жертвоприношеній. О взаимной склонности или сходствѣ вкусовъ не было и вопроса; супруги соединялись не для того, чтобы слить воедино свои мысли и чувства и служить другъ другу поддержкой въ жизненныхъ невзгодахъ: они выполняли патриотическую и религіозную обязанность. Хотя эти мысли въ послѣдствіи и утратили свою стойкость, все же онѣ сохраняли въ извѣстной мѣрѣ всегда власть надъ умами древнихъ. Отсюда вытекало, что въ бракѣ, какъ его понимали греки, личность женщины не играла роли. Съ ея чувствами не считались; ее избирали въ жены не ради ея самой, а какъ необходимое орудіе для сохраненія семьи и государства. Думали, что она не можетъ быть полезна ни для чего другого и неспособна обладать никакими другими достоинствами. Ея роль считалась исполненной, если она давала жизнь сыновьямъ. Это не все: если бракъ становится только гражданской обязанностью, отъ которой нельзя избавиться, не совершая преступленія противъ религіи и государства, исчезаетъ вся прелесть семейной жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и вліяніе женщины. Аѳинянинъ вступалъ въ бракъ съ такимъ же чувствомъ, какъ отдають долгъ: безъ увлеченія и довольно неохотно. Онъ вводилъ въ свой домъ законную жену потому только, что этого требовали интересы государства; но отводилъ ей точно опредѣленное мѣсто въ своемъ существованіи, и, разъ установивъ его границы, онъ не заботился болѣе объ устройствѣ семейнаго счастья.

(Lallier. De la condition de la femme dans la famille athénienne, стр. 14—17).

5. Религіозные свадебные обряды.

Бракъ у грековъ былъ священнымъ обрядомъ, пріобщавшимъ дѣвушку къ культу ея новой семьи. Греческіе писатели обыкновенно прилагаютъ къ нему слова, означающія религіозный актъ. Поллуксъ ¹⁾ говоритъ, что въ древнія времена вмѣсто того, чтобы называть бракъ его собственнымъ именемъ, γάμος, употребляли просто слово τέλος, которое означало священную церемонію, будто бракъ былъ обрядомъ священнымъ по преимуществу.

Этотъ обрядъ совершался не въ храмѣ, а дома, и именно домашнее божество брало его подъ свое покровительство. Правда, въ молитвахъ призывали также и небесныхъ боговъ; вошло даже въ обычай предварительно ходить въ храмы и приносить богамъ жертвоприношенія,носящія названія преддверія къ браку—*προτέλεια, προγάμια*. Но главная и важнѣйшая часть церемоніи должна была совершаться у домашнего очага.

Свадьба состояла, такъ сказать, изъ 3 актовъ. Первый происходилъ у очага отца, ἐγγύησις; третій—у очага мужа,

.Греческое свадебное шествіе (рис. на вазѣ)

¹⁾ См. прим. на стр. 31.

τέλος; второй былъ переходомъ отъ одного къ другому, *πρωτή*.

1. Въ родительскомъ домѣ отецъ, окруженный обыкновенно всѣмъ своимъ семействомъ и въ присутствіи жениха, приносилъ жертвоприношеніе. По окончаніи этого обряда онъ, произнося священную формулу, объявлялъ, что выдаетъ свою дочь за поименованнаго молодого человѣка. Это заявленіе было совершенно необходимо при заключеніи брака, потому что дѣвушка не могла бы принять участіе въ поклоненіи очагу мужа, если бы ея отецъ не отлучилъ ее предварительно отъ родительскаго очага. Для принятія новой религіи она должна быть свободной отъ всякой связи со своей первоначальной религіей, отъ всякой привязанности къ ней.

2. Послѣ этого дѣвушку переводили въ домъ мужа. Иногда ее сопровождалъ туда самъ мужъ. Въ нѣкоторыхъ же городахъ обязанность провожать невѣсту лежала на особомъ лицѣ, исполнявшемъ въ извѣстномъ смыслѣ должность священнослужителя и называвшемся герольдомъ.

Невѣсту сажали обыкновенно на колесницу; на лицо ея набрасывалось покрывало, а на голову возлагался вѣнокъ, который вообще употреблялся при всѣхъ религіозныхъ обрядахъ. Одѣта она была въ бѣлое платье; бѣлый цвѣтъ одеждъ также былъ обычнымъ при всѣхъ обрядахъ, имѣющихъ религіозный характеръ. Передъ дѣвушкой несли факель; это—брачный факель. Во время всего пути около нея пѣли религіозный гимнъ, имѣющій такой припѣвъ: „Ὁ Ὑμένυ, ὦ Ὑμένυε“ („О Гимень, о Гименей!“).

Дѣвушка не вступала сама въ свое новое жилище. Требовалось, чтобы мужъ ея, разыгрывая притворное похищеніе, схватилъ ее, чтобы она вскрикнула нѣсколько разъ и чтобы сопровождающія ее женщины сдѣлали видъ, что защищаютъ ее. Этими дѣйствіями хотѣли, несомнѣнно, подчеркнуть, что женщина, которая будетъ совершать жертвоприношенія у этого очага, не имѣла на это никакого права, что она приближалась къ очагу не по своей волѣ и вводилась сюда властью хозяина даннаго мѣста и бога.

Послѣ этой притворной борьбы новобрачный подымалъ невѣсту на руки и вносилъ ее въ двери, принимая всѣ мѣры къ тому, чтобы ноги ея не коснулись порога.

3. Все описанное является лишь подготовленіемъ, введеніемъ къ церемоніи. Священное дѣйствіе происходитъ внутри дома. При приближеніи къ очагу новобрачную подводили къ домашнимъ божествамъ, ее кропили очистительной водой, она прикасалась къ священному огню. По произнесеніи молитвъ супруги дѣлили между собой пирогъ, хлѣбъ, нѣсколько фруктовъ. Это подобіе легкой трапезы, которая начиналась и кончалась возліянiami и молитвой, это раздѣленіе ѣды передъ очагомъ создавало религіозное единеніе новобрачныхъ, общеніе ихъ другъ съ другомъ и съ домашними богами.

(Фюстель де-Куланжъ. Гражданская община древняго міра).

6. Приданое.

Обыкновенно жена приносила своему мужу приданое. Но неправильно думать, что отецъ былъ обязанъ давать что-нибудь дочери при выходѣ ея замужъ; если онъ это дѣлалъ, то совершенно добровольно. Сынъ, наоборотъ, сдѣлавшись главою семьи, долженъ былъ нести эту обязанность по отношенію къ своей сестрѣ. Дѣйствительно, сынъ одинъ получалъ все наслѣдство; поэтому считалось справедливымъ, чтобы онъ отдѣлилъ часть своего имущества съ цѣлью оказать помощь своей сестрѣ при выходѣ ея замужъ. Это было тѣмъ болѣе справедливо, что въ томъ случаѣ, когда сестра оставалась незамужней, братъ долженъ былъ содержать ее. Аѳинскій законъ предписывалъ ближайшимъ родственникамъ дать бѣдной сиротѣ приданое или жениться на ней.

Приданое никогда не принимало большихъ размѣровъ, кромѣ, можетъ быть, Спарты во 2-й половинѣ IV вѣка. Самая высокая цифра, которая встрѣчалась до сихъ поръ, составляла 10 талантовъ (около 22.200 р.). Въ Аѳинахъ 30 минъ (около 1.100 р.) считались среднимъ приданымъ. Приданое заклю-

чалось обыкновенно въ деньгахъ и движимомъ имуществѣ. Но не запрещалось давать невѣстѣ недвижимость и даже землю.

При назначеніи невѣстѣ приданого не требовалось посредничества какого-нибудь государственнаго чиновника. Достаточно было простого заявленія объ этомъ передъ свидѣтелями. Не запрещалось пріобщать къ устному заявленію письменный документъ или прибѣгать къ разнымъ способамъ огласки. Но это не являлось обязательнымъ. Когда кто-нибудь выдавалъ замужъ свою дочь, то, вручая приданое, отецъ требовалъ отъ своего зятя въ видѣ обезпеченія этого имущества закладную на его состояніе. Залогъ подтверждался надписью, помѣщенной на недвижимомъ имуществѣ. Напримѣръ: „имѣнье, заложенное Евѡидикѣ за ея приданое“.

Мужъ управлялъ имуществомъ, полученнымъ въ приданое, но онъ долженъ былъ передать его своему потомству въ цѣлости. Если бракъ былъ расторгнутъ, мужъ возвращалъ приданое родственникамъ жены или выплачивалъ имъ ежегодно сумму въ 18% стоимости состоянія. Если жена умирала бездѣтной и раньше мужа, состояніе возвращалось тѣмъ, кто ей его далъ, или ихъ замѣстителямъ.

Приведемъ нѣсколько выдержекъ изъ одной надписи, гдѣ перечисляются цифры приданныхъ:

„Состратъ выдалъ замужъ свою дочь Ксанѡу за Эпархиду и далъ ей приданое въ 1.300 драхмъ (около 480 р.). Сверхъ того, онъ внесъ 100 драхмъ (около 37 р.) серебра и одежду цѣнностью въ 200 драхмъ (около 74 руб.).

Калиппъ выдалъ замужъ свою дочь Аристоклоху за Сострата съ приданнымъ въ 14.000 драхмъ (около 5.170 р.) и прибавилъ 406 драхмъ (около 150 р.) процентовъ, которые Состратъ ему долженъ былъ за приданое (уплаченное впередъ).

Амейнократъ выдалъ замужъ свою дочь за Филотима съ приданнымъ въ 1.000 драхмъ (около 370 руб.).

Калликсенъ выдалъ замужъ дочь свою Тимократу за Родокла съ приданнымъ въ 700 драхмъ (около 258 р.), включая одежду на 300 драхмъ (около 110 р.). Родоклъ при-

зналъ, что онъ получилъ одежды и 100 драхмъ; вмѣсто 300 остальныхъ драхмъ Калликсенъ отдалъ въ залогъ Родоклу свой городской домъ.

Дексиклъ выдалъ свою дочь Мнесо за Тимея съ приданымъ въ 3.500 драхмъ (около 1.290 р.).

Ктесонидъ выдалъ замужъ за Паппія свою сестру Дикею съ приданымъ въ 1.000 драхмъ (около 370 р.) серебра и одежду на 500 драхмъ (около 185 р.). Паппій призналъ получение одежды и 100 драхмъ (около 37 р.) серебра.

Фарсагоръ выдалъ замужъ Панфалиду, дочь Мнезибула, за Пиррака и далъ ей домъ въ предмѣстьѣ города подъ условіемъ, что Фарсагоръ будетъ пожизненнымъ владѣльцемъ дома.

Ктезіонъ выдалъ свою дочь Гермоксену за Геронида и далъ за ней приданое въ 1.600 драхмъ (около 590 р.), домъ и двухъ рабынь, изъ которыхъ одна называлась Сира“.

(Dareste. Inscriptions juridiques grecques, I, стр. 48).

7. Аѳинская женщина.

О положеніи аѳинянокъ говорятъ иногда, какъ о положеніи женщинъ современнаго Востока, преувеличивая суровость античныхъ нравовъ, согласно которымъ ихъ будто бы держали взаперти въ гинекеѣ, какъ въ тюрьмѣ. Заключение соблюдалось строго только по отношенію къ дѣвушкамъ; для замужней женщины оно было менѣе сурово, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже совершенно не примѣнялось. Каковы бы ни были требованія обычая, къ нарушеніямъ его приходилось относиться терпимо. Женѣ богатаго гражданина было нетрудно сообразоваться съ нимъ и оставаться въ глубинѣ своихъ покоевъ; но въ малосостоятельныхъ семьяхъ женщинѣ ежеминутно приходилось выходить изъ дому по надобностямъ своего хозяйства. Она должна была отправляться на рынокъ, покупать провизію и нести на себѣ заботы, обыкновенно возлагаемыя на рабовъ. Иногда случалось даже, что женщины занимались торговлей на агорѣ. Мать Эвксифея, кліента Демосѳена ¹⁾, про-

¹⁾ Демосѳенъ — см. примѣч. на стр. 4.

давала ленты, а мать Эврипида ¹⁾, какъ утверждаетъ Аристофанъ ²⁾, была торговкой овощами. Однако подобныя явленія наблюдались рѣдко. Бѣдность могла заставить нѣкоторыхъ женщинъ поступать такимъ образомъ, но общественное мнѣніе относилось къ нимъ строго и осуждало ихъ.

Въ стѣнахъ своего дома женщины распоряжались вполнѣ самовластно. Онѣ надзирали за рабами и руководили работою своихъ служанокъ; кромѣ того, онѣ должны были заботиться о всѣхъ мелочахъ управленія хозяйствомъ и о расходахъ, связанныхъ съ нимъ. Въ рѣчи Лизія ³⁾ (по поводу убійства Эратосѣена) нѣкій Евфилетъ заявляетъ, что онъ отдалъ въ вѣдѣніе жены личный составъ всего дома. И дѣло обстояло такимъ образомъ не только у Евфилета, человѣка, принадлежащаго къ мелкой буржуазіи; даже въ самыхъ богатыхъ семьяхъ хозяйка не была вполнѣ свободна отъ домашнихъ хлопотъ. Въ ея распоряженіи находился штатъ многочисленныхъ помощниковъ, но общее руководство лежало на ней, и роль ея нисколько не умалялась ея управляющими. Вообще афинянка ревниво оберегала свой авторитетъ въ дѣлахъ, касающихся домашняго хозяйства; она держалась за него тѣмъ сильнѣе, что никакія другія занятія не разсѣивали ее. Власть ея была ограниченной, и она тщательно охраняла ее; пользуясь только въ этомъ отношеніи довѣріемъ своего мужа, она стремилась владѣть имъ всецѣло.

Случались, разумѣется, и злоупотребленія. Иная женщина, по безпечности или изъ любви къ лакомой пищѣ, расточительно расходовала провизію. Мужъ въ такомъ случаѣ долженъ былъ вмѣшаться и отобрать у нея ключи отъ кладовыхъ. Но обыкновенно афинянка заслуживала похвалу, какую Евфилетъ высказалъ о своей женѣ: „Она была хорошей хозяйкой“. Иногда расчетливость

¹⁾ Эврипидъ—см. примѣч. на стр. 4.

²⁾ Аристофанъ — греческій драматическій писатель. жилъ приблизительно между 444 и 380 г. до Р. Х.

³⁾ Лизія—греческій ораторъ, жившій въ половинѣ V и въ началѣ IV вѣка до Р. Х.

аэинянокъ переходила даже въ скупость. Имъ не-пріятно было видѣть уничтоженіе тѣхъ припасовъ, которые онѣ такъ заботливо собирали и хранили; онѣ переставали различать расходы необходимые отъ излишнихъ и такъ же строго относились къ первымъ, какъ и ко вторымъ. Онѣ ликовали, когда мужья ихъ приносили деньги домой, но слишкомъ легко раздражались горькими упреками за ихъ расходы.

Женщинамъ былъ свойственъ еще и другой недостатокъ. Онѣ обладали часто деспотическимъ характеромъ; преисполненныя гордостью отъ своей власти, онѣ стремились дать почувствовать ее всѣмъ окружающимъ. Вращаясь почти всегда среди рабовъ, привыкнувъ давать имъ постоянно приказанія, бранить ихъ за лѣнь, дѣлать выговоры за ихъ провинности, онѣ иногда не дѣлали различія между господиномъ и слугами и усваивали себѣ по отношенію къ нему тотъ же тонъ. Слѣдуетъ прибавить, что онѣ гордились своими добродѣтелями и, противопоставляя легкомысленнымъ нравамъ мужчинъ строгость своей собственной жизни, усердіе въ исполненіи всѣхъ своихъ обязанностей, вѣрность въ соблюденіи незапятнанной чести дома, легко проникались убѣжденіемъ въ своемъ превосходствѣ. Затаенныя въ глубинѣ души обиды дѣлали ихъ раздражительными, и при малѣйшемъ предлогѣ у нихъ вырывались тѣ сухія и грубыя слова, тѣ рѣзкія замѣчанія, въ которыхъ ихъ упрекали сатирики.

Всѣ эти недостатки усиливались у наслѣдницъ, обогащавшихъ при выходѣ замужъ своихъ мужей. Придавая особенно большое значеніе состоянію, которое онѣ приносили въ домъ, онѣ становились еще болѣе высокомерны; такія женщины не забывали и не давали другимъ забывать, кѣмъ онѣ были и чѣмъ владѣли. „Если вы бѣдны и женитесь на богатой“, говоритъ одинъ комическій поэтъ, „вы получите госпожу, а не жену; вы станете одновременно и рабомъ, и бѣднякомъ“. „По гордому взгляду всякій узнаетъ мою жену, или скорѣе госпожу, которая меня поработила... Горе мнѣ! Вѣдь нужно же было мнѣ жениться на какой-то Креобилѣ съ ея десятию талантами, на женщинѣ ростомъ всего въ одинъ

локоть, а кромѣ того полной невыносимой спеси. Клянусь Зевсомъ Олимпійскимъ и Аѳиной, нѣтъ силъ терпѣть это. Она принесла мнѣ этотъ домъ и эти поля, но, чтобы имѣть ихъ, надо было взять и ее, а изъ всѣхъ невыгодныхъ торговыхъ сдѣлокъ, которыя можно заключить, это—самая невыгодная. Она истинный бичъ для всѣхъ, и не только для меня, но и для своего сына и еще болѣе—для дочери“ (Менандръ) ¹⁾.

Мужчины страдали отъ этихъ недостатковъ, но они сами были въ нихъ виноваты. Они ограничили дѣятельность женщины заботами по хозяйству, а женщины, черезчуръ увлекшись ими, приобрѣли благодаря этому вздорность характера, отъ которой имъ трудно было уберечь себя. Главнымъ недостаткомъ аѳинской семьи было то, что жена не входила въ достаточной мѣрѣ тѣсно въ жизнь своего мужа. Повидимому, греки и сами понимали это; иногда они признавали, что домашнее счастье цѣнилось у нихъ слишкомъ мало. Одно изъ дѣйствующихъ лицъ Менандра сокрушается о томъ легкомысліи, съ которымъ вступаютъ въ бракъ. Не лучше ли было бы поменьше думать о приданомъ и больше заботиться о достоинствахъ и недостаткахъ той женщины, на которой хотятъ жениться? „Но нѣтъ, мы стремимся собрать тысячу бесполезныхъ свѣдѣній: мы спрашиваемъ, кто были дѣдушка и бабушка невѣсты; мы заставляемъ выкладывать приданое на столъ, чтобы особый оцѣнщикъ провѣрилъ, хорошей ли пробы серебро, которое не останется и пяти мѣсяцевъ въ домѣ, а о качествахъ той, которая будетъ жить подлѣ насъ всю жизнь, мы и не думаемъ освѣдомиться, мы беремъ ее случайно, не ознакомившись съ ней, съ рискомъ найти въ ней злую, сварливую и, быть можетъ, болтливую женщину“ (Менандръ).

Аѳинянинъ слишкомъ легко мирился съ двойственностью своего существованія.

Входя къ себѣ домой, онъ забывалъ или, вѣрнѣе, затаивалъ въ себѣ все, что занимало его внѣ дома. Онъ былъ

¹⁾ Менандръ—аѳинскій поэтъ, авторъ многочисленныхъ комедій, жилъ въ IV и началъ III в. до Р. X.

на общественной площади, застѣдалъ въ собраніи или въ судахъ, онъ вмѣшивался въ разговоры софистовъ ¹⁾ и риторовъ, онъ разбиралъ государственныя дѣла и устраивалъ свои торговыя сдѣлки, но онъ остерегался рассказывать женѣ своей что бы то ни было изъ видѣннаго и слышаннаго имъ. Эти переживанія принадлежали ему и онъ хотѣлъ сохранить ихъ только для себя одного. На примѣрѣ Ѳемистокла ²⁾ видно, конечно, что иногда мужъ позволялъ женѣ больше входить въ его жизнь, и что и онъ даже подчинялся ея господству. Но какое заключеніе можно сдѣлать изъ этого? Ѳемистоклъ подчиняется своей женѣ, которая сама подчиняется причудамъ ребенка; это—проявленіе снисходительности или слабости, прихоть любви, стремящейся повиноваться безпрекословно и безъ размышленій.

Это не то сознательное довѣріе, не то разумное уваженіе, какое питаютъ къ испытаннымъ и признаннымъ по своему благоразумію совѣтамъ. Такимъ примѣрамъ нельзя придавать никакого значенія. Изъ того факта, что мужчины слабохарактерные или утомленные своей дѣятельностью, которою они занимались внѣ дома, покорялись въ домашней жизни капризамъ своихъ женъ, нельзя дѣлать никакихъ выводовъ, и этого недостаточно для утвержденія, что афинянка раздѣляла со своимъ мужемъ его мысли, планы и честолюбивыя стремленія.

Она не принимала даже большого участія въ воспитаніи своихъ дѣтей. Прежде всего, дѣти поручались кормилицамъ. Это не означало пренебреженія къ нимъ со стороны матери: она интересовалась ихъ играми, ласкала ихъ, но между ними и ею становилась посторонняя женщина; и если на кормилицу падали вмѣсто матери самыя тяжелыя заботы о дѣтяхъ,

¹⁾ Софистами назывались учителя мудрости въ Греціи, впоследствии снискавшіе дурную славу благодаря тому, что учили доказывать любыя положенія, часто путемъ ложныхъ выводовъ.

²⁾ Ѳемистоклъ шутилъ говорилъ, что его сынъ—самый могущественный изъ грековъ: греки въ подчиненіи у афинянъ, афиняне у Ѳемистокла, самъ онъ—у своей жены, жена у сына“ (Плутархъ, Ѳемистоклъ. 18). (*Примѣч. авт.*)—Ѳемистоклъ—афинскій полководецъ, жившій въ концѣ VI и первой половинѣ V вѣка до Р. Х.

то на нее обращалась и часть той привязанности, отъ которой отказывалась мать, не выполняющая этихъ обязанностей.

Мальчики съ ранняго возраста начинали учиться внѣ дома. Дѣвочки оставались около своихъ матерей, но ихъ образованіе было крайне поверхностно. Когда для дѣтей приходило время вступать въ бракъ, мать не вмѣшивалась въ рѣшеніе отца, въ силу закона предоставляемое ему одному. Ее не спрашивали, когда распоряжались ея собственной судьбой, че спрашивали ее тѣмъ болѣе и тогда, когда дѣло шло объ устройствѣ судьбы ея сыновей или дочерей.

Единственными событіями, нарушавшими правильность жизни женщинъ, были посѣщенія другъ-друга и очень часто устраиваемыя ими религіозныя церемоніи. Мужчины подозрительно относились къ этимъ посѣщеніямъ, къ разговорамъ, которые женщины вели между собой, какъ будто бы онѣ могли собираться только для того, чтобы сообщать другъ другу свои жалобы на главусемьи и составлять какіе-нибудь планы мести. Женщины не только ходили въ гости къ сосѣдкамъ, но и приглашали другъ друга на пиршества. Менандръ сочинилъ комедію, озаглавленную „Ужинъ женщинъ“, нѣкоторые отрывки которой дошли и до насъ.

На похоронахъ женщины играли первенствующую роль. На многочисленныхъ городскихъ торжествахъ онѣ также занимали извѣстное мѣсто. Имъ было запрещено появляться на большихъ греческихъ играхъ; но онѣ допускались на драматическія представленія, по крайней мѣрѣ, на трагедіи. Эти празднества отрывали ихъ на день отъ ихъ обычныхъ занятій; они переносили ихъ души въ болѣе возвышенныя области, пріобщали ихъ къ патріотическимъ переживаніямъ гражданъ и, въ извѣстной мѣрѣ, заставляли ихъ чувствовать интересъ къ торжествамъ въ честь государства и къ государственной религіи.

Кромѣ общенациональныхъ божествъ, онѣ имѣли своихъ особыхъ, которымъ оказывали величайшее почитаніе. Платонъ ¹⁾ жалуется, что онѣ, собираясь тайно въ особыхъ

¹⁾ См. прим. на стр. 8.

домашнихъ молельняхъ, молились множеству боговъ, героевъ и геніевъ. Въ этомъ отношеніи происходило то же самое, что и съ пиршествами, задаваемыми ими другъ для друга: не допуская женщинъ въ свою жизнь, мужчины заставляли ихъ, почти противъ ихъ воли, отдаляться и искать своихъ особыхъ развлеченій и вѣрованій.

Аѳинская женщина не была презираема. Ей не довѣрили бы управленіе домою, если бы возникало сомнѣніе въ ея энергіи или въ ея умѣ. Нападки комическихъ поэтовъ не должны вводить насъ въ заблужденіе: онѣ, повидимому, внушены болѣе страхомъ, чѣмъ презрѣніемъ. Кромѣ того, Менандръ и другіе писатели противорѣчатъ сами себѣ. Они смѣются надъ бракомъ, оскорбляютъ женщину, но находятъ вмѣстѣ съ тѣмъ трогательныя выраженія для восхваленія ея: „Какое прекрасное зрѣлище—женская добродѣтель“. А въ другомъ мѣстѣ: „Добродѣтельная женщина—счастье дома“ (Менандръ).

Ораторы настоятельно требуютъ соблюденія святости брака и взаимной вѣрности супруговъ. Они изображаютъ намъ женщину, принимающую участіе въ семейныхъ со-вѣтахъ, если не въ качествѣ руководительницы, то, по крайней мѣрѣ, въ качествѣ свидѣтельницы и участницы. Но, дѣйствительно, аѳинянинъ, несмотря на любовь и уваженіе къ своей женѣ, не зналъ ея.

Отвлекаемый отъ дома занятіями и удовольствіями, онъ жилъ подлѣ нея, довольствуясь тѣми ея достоинствами, которыя она проявляла въ выполненіи повседневныхъ обязанностей, больше ничего отъ нея не требуя. Женщина и сама не подозрѣвала, что она создана для болѣе высокаго назначенія, для болѣе полного существованія. Благодаря нравамъ того времени, она была ограничена узкимъ кругомъ дѣятельности, привыкла къ этому умаленію своихъ способностей и обыкновенно покорялась ему безъ сожалѣнія.

(По Lallier, De la condition de la femme dans la famille athénienne, стр. 62—84).

8. Роль женщины въ домѣ по Ксенофонтѣ ¹⁾.

Исхомахъ женился на дѣвушкѣ, едва достигшей пятнадцатилѣтняго возраста, и ввелъ ее въ свой домъ. Новобрачные совершенно не знаютъ одинъ другого; до свадьбы они даже не встрѣчались другъ съ другомъ. Союзъ ихъ былъ заключенъ не вслѣдствіе ихъ естественной взаимной склонности, а благодаря, быть можетъ, родственнымъ связямъ, общности имущественныхъ интересовъ и желанію обѣихъ семей. Молодая женщина робка и боязлива по отношенію къ человѣку, съ которымъ связана въ будущемъ вся ея жизнь и который еще чуждъ ей. Она боится своего невѣдѣнія, боится того превосходства, которое мужу ея даетъ его болѣе зрѣлый возрастъ и болѣе сложившійся умъ. Исхомахъ не скрываетъ отъ себя, что она неопытна, что до сихъ поръ она была окружена строгимъ надзоромъ, „пріучена ничего не видѣть, ничего не слышать и ничего не спрашивать“. Изъ всѣхъ наукъ ей хорошо извѣстна только обработка шерсти; кромѣ того она наблюдала, какъ распредѣляется работа между служанками. Но самое ея невѣдѣніе и ея робость заставляютъ ее проявлять трогательную покорность.

Давъ нѣкоторое время молодой женщинѣ свыкнуться со своимъ положеніемъ и приспособиться къ нему, Исхомахъ принялся за ея образованіе. Прежде всего онъ старается внушить ей довѣріе къ себѣ. Она должна смотрѣть на себя не какъ на рабыню, созданную для повинovenія, а какъ на подругу своего мужа, обладающую также извѣстной властью. Хотя ея обязанности совершенно иныя, но онѣ не менѣе важны и не менѣе трудны. Мужчина и женщина вступаютъ въ союзъ, чтобы имѣть дѣтей, которыя должны продолжать ихъ родъ, а дѣтей этихъ надо воспитывать. Мужъ долженъ внѣ дома добывать все необходимое для пропитанія и содержанія его семьи; обязанность женщины—дѣлать дома мудрое употребленіе средствъ, пріобрѣтенныхъ

¹⁾ Ксенофонтъ—греческій историкъ и философъ (434—359 до Р. Х.).

трудами ея мужа. Это несходство занятій опредѣляется неравенствомъ физическихъ силъ и различіемъ нравственнаго склада мужчины и женщины.

Установивъ эти основныя правила, Исхомахъ подробно разбираетъ обязанности, налагаемыя на женщину. Она должна оставаться внутри дома, гдѣ ей принадлежитъ власть госпожи; мужъ не можетъ захватывать ея правъ, не дѣлаясь смѣшнымъ и не неся за это отвѣтственности. Хотя область домашней дѣятельности узка, но задача ея велика и можетъ заполнить жизнь самой трудолюбивой женщины. Царица пчелъ не покидаетъ улья, а развѣ не она управляетъ всѣми пчелами-работницами. Она не позволяетъ ни одной изъ своихъ подругъ пребывать въ праздности, она отправляетъ ихъ на работу за предѣлы улья, получаетъ приносимые ими запасы, заботится о томъ, чтобы ихъ хватало, и слѣдитъ за потребленіемъ. Точно такъ же и женщина, никогда не выходя изъ дому, наблюдаетъ за отправленіемъ слугъ на поля, указываетъ работу остающимся дома и не теряетъ ихъ изъ виду. Она ведетъ счетъ всѣмъ поступающимъ припасамъ, выдаетъ тѣ, которые предназначены къ немедленному использованию, откладываетъ другіе впрокъ и руководитъ расходомъ съ осторожной экономіей. Она обучаетъ также рабынь искусству прясть и ткать шерсть; она же награждаетъ хорошихъ и наказываетъ дурныхъ слугъ; она, наконецъ, управляетъ всѣмъ домомъ, и все подчиняется ея власти, включая сюда и самого ея мужа; благодаря своимъ достоинствамъ она можетъ получить надъ нимъ настоящее превосходство, сдѣлать изъ него своего перваго слугу и обезпечить себѣ своей ловкостью въ веденіи домашнихъ дѣлъ его любовь и уваженіе, которыя сохранятся даже тогда, когда красота ея исчезнетъ, и которыя дадутъ ей счастливую и полную почета старость.

Исхомахъ добавляетъ и другіе совѣты. Порядокъ, говоритъ онъ, придаетъ красоту хорамъ и силу войскамъ; безъ соблюденія порядка моряки не могли бы помѣстить на небольшой площади корабля такое большое количество предметовъ. „Неужели же мы, располагая такимъ обширнымъ помѣщеніемъ въ прочно выстроенномъ и стоя-

щемъ на твердой почвѣ домѣ, не сумѣемъ найти подходящаго мѣста для каждаго предмета? Это значило бы проявить недостатокъ ума. Выбрать для одежды и разнаго рода припасовъ соотвѣтствующее помѣщеніе, расположить все въ порядкѣ, слѣдить, чтобы ничто не нарушило этого распредѣленія—значитъ работать не только для благосостоянія семьи, для увеличенія богатства, но также доставлять радость взору и удовлетвореніе уму пріятнымъ зрѣлищемъ симметріи. Самая простая мебель, служащая для повседневнаго употребленія; самыя обычныя вещи хозяйственнаго обихода становятся гораздо красивѣе благодаря правильной разстановкѣ; „даже кухонные горшки имѣютъ пріятный видъ, если умно поставлены“. Исхомахъ показываетъ своей женѣ различныя помѣщенія ихъ жилища и объясняетъ назначеніе каждаго изъ нихъ. Они дѣлаютъ нѣчто вродѣ описи ихъ имущества и выбираютъ для каждаго предмета мѣсто, которое онъ долженъ занимать.

Но это не все. Надо еще назначить экономку, которая помогала бы женѣ и управляла бы рабами подъ ея руководствомъ. На эту важную должность недостаточно назначить самую скромную, самую бдительную и самую цѣломудренную рабыню; слѣдуетъ сдѣлать ее участницей домашнихъ радостей и горестей, заинтересовать ее въ увеличеніи богатства ея господъ, предоставивъ ей извѣстную долю ихъ благосостоянія. При этихъ условіяхъ жена найдетъ въ экономкѣ преданную помощницу, которая будетъ какъ бы первымъ министромъ этого домашняго царства, и этотъ первый министръ будетъ держаться соотвѣтственно своему положенію, не пытаясь захватить въ свои руки права верховной власти. Экономка будетъ облегчать работу своей госпожи, но она никогда не сможетъ замѣнить послѣднюю и въ особенности избавить ее отъ обязанности лично наблюдать за всѣмъ.

Однажды молодая женщина, желая казаться красивѣе и выше ростомъ, нарумянилась и надѣла обувь на высокихъ каблукахъ. Исхомахъ мягко упрекнулъ ее въ этомъ невинномъ кокетствѣ. Вступивъ въ бракъ, каждый изъ нихъ какъ бы отдалъ себя другому, поэтому онъ полагалъ бы,

что обманываетъ свою жену, если бы вмѣсто крѣпкаго, здороваго тѣла она видѣла и ощущала на немъ только красную краску. Зачѣмъ же она, желая украсить себя, прибѣгаетъ къ помощи фальшивыхъ способовъ, которые, кромѣ того, не могутъ никого ввести въ заблужденіе и вредятъ истинной и прочной красотѣ. Настоящая красота совершенно не нуждается въ разныхъ ухищреніяхъ; для нея надо поменьше утонченности и изысканности. „Слѣдуетъ не вести, подобно рабамъ, сидячей жизни, а стоя съ повелительнымъ видомъ около станковъ служанокъ, слѣдить за ихъ работой; надзирать за пекарней; находиться подлѣ экономки при подсчетѣ провизіи; обходить весь домъ, чтобы видѣть, все ли находится на своихъ мѣстахъ“ — вотъ средства, которыми наши жены могутъ пріобрѣтать и сохранять единственную настоящую и прочную красоту, являющуюся слѣдствіемъ здоровья.

(По Ксенофону, О домоводствѣ (*Οἰκονομικὰς*), гл. VII и сл., и Lallier, стр. 45—55).

9. Спартанскія женщины.

Въ Спартѣ женщины пользовались бѣльшимъ уваженіемъ, чѣмъ во всей остальной Греціи; благодаря своему воспитанію онѣ были ближе къ мужчинамъ; онѣ съ дѣтства привыкали чувствовать себя гражданками и принимать общественные интересы горячо къ сердцу. Онѣ не уступали мужчинамъ въ мужествѣ, патріотизмѣ и самоотверженности: поэтому онѣ и пользовались такимъ уваженіемъ. Похвала или порицаніе женщинъ играли большую роль, и ихъ отношенію къ разнаго рода вопросамъ, даже къ тѣмъ, которые были выше ихъ пониманія, придавали большое значеніе. Ихъ вліяніе было таково, что греки дѣлали видъ, будто считаютъ спартанское правительство — правленіемъ женщинъ.

Это, впрочемъ, не мѣшало имъ исполнять обязанности женъ и матерей. Выйдя замужъ, спартанская женщина погружалась въ домашнія заботы. Платонъ говоритъ, что она не пряла и не ткала, предоставляя это дѣло рабы-

нямъ, но зато она руководила работами по домашнему хозяйству. Она пеклась о воспитаніи своихъ дѣтей такъ же, какъ и ея мужъ. Въ отношеніяхъ съ мужчинами замужнія женщины были болѣе стѣснены, чѣмъ дѣвушки. Замѣчаніе Перикла, что для женщины самое лучшее, если о ней не говорятъ совсѣмъ—ни съ похвалой, ни съ порицаніемъ, вполне примѣнимо и къ Спартѣ. Замужнія выходили изъ дому только подъ покрывалами, дѣвушки же ходили съ открытыми лицами. Когда одного спартанца спросили о происхожденіи этого обычая, онъ отвѣчалъ: „Дѣвушкѣ приходится искать себѣ мужа, тогда какъ замужняя женщина должна лишь сохранить своего“. Эти слова свидѣтельствуютъ, что въ Спартѣ личная склонность при выборѣ жены играла бѣльшую роль, чѣмъ въ остальныхъ мѣстахъ Греціи.

(Schömann. Griechische Alterthümer, т. I).

10. Энергія спартанскихъ женщинъ.

— Одна мать, узнавъ, что ея сынъ спасся отъ враговъ бѣгствомъ, отправила ему слѣдующее письмо: „О тебѣ пошла дурная слава; смой ее или умри“.

— Одинъ спартанецъ рассказывалъ своей матери о славной смерти своего брата: „Не стыдно ли тебѣ“, сказала она ему, „что ты не составилъ ему компаніи въ подобномъ путешествіи?“

— Одна спартанка, отправившая на войну пять своихъ сыновей, стояла у городскихъ воротъ, ожидая съ нетерпѣніемъ исхода событій. Обратившись съ вопросомъ къ первому проходящему, она узнала, что всѣ ея сыновья погибли: „Я не объ этомъ спрашиваю тебя: въ какомъ состояніи находятся дѣла нашей родины?“ — „Спарта побѣдила“. — „Хорошо, въ этомъ случаѣ я съ радостью примиряюсь со смертью моихъ сыновей“.

— Одну спартанку, выставленную на продажу, спросили, что она умѣетъ дѣлать. „Быть вѣрной“, отвѣчала она. (Плутархъ. Изреченія неизвѣстныхъ лакедемонянокъ, 2, 5, 6, 26).

11. Мужество аргивянокъ.

Клеомень, царь спартанскій, истребивъ множество аргивянь, подходилъ къ самому ихъ городу. Тогда женщины наиболѣе цвѣтущаго возраста прониклись чудесной отвагой и пыломъ и рѣшили спасти Аргось, отразивъ непріятеля. Предводительствуемая Телесиллой, онѣ, къ великому удивленію нападающихъ, взялись за оружіе, расположились лагеремъ и окружили какъ бы поясомъ укрѣпленія. Клеомень былъ отбитъ, потерявъ много людей, а другой царь, Демаратъ, который проникъ уже въ городъ и взялъ одинъ кварталъ, былъ изгнанъ ими отсюда.

Городъ былъ такимъ образомъ освобожденъ; женщины, павшія въ сраженіи, были погребены на аргосской дорогѣ, а оставшимся въ живыхъ разрѣшили, въ память ихъ доблести, воздвигнуть стацию бога Ареса.

Ежегодно празднуется годовщина этого событія, и женщины одѣваютъ тогда мужскія туники и хламиды, а мужчины—женскія платья.

(Плутархъ. О доблестяхъ женщинъ, 4).

12. Разводъ.

Разводъ, почти неизвѣстный въ древнѣйшія времена греческой исторіи, дѣлается очень частымъ явленіемъ въ классическую эпоху ¹⁾,—настолько частымъ, что греческіе ораторы указываютъ на приданое, какъ на необходимую предосторожность, придающую хотя нѣкоторую прочность узамъ брака. Мужъ очень часто не разводился съ женой, только боясь необходимости вернуть ея приданое въ случаѣ разрыва съ нею.

Аѳиняне употребляли для означенія развода два слова: *ἀποπρωμί* (отсылка)—разводъ по волѣ мужа, и *ἀπόλειψις* (оставленіе)—разводъ, происшедшій по желанію жены. Первый не подлежалъ никакимъ формальностямъ; мужъ могъ отправить изъ своего дома жену, когда ему угодно. Жена считалась въ этомъ случаѣ разведенною безъ всякаго

¹⁾ Т. е. въ VI—IV вѣкахъ до Р. Х.

вмѣшательства какого бы то ни было должностного лица. Она возвращалась къ своему отцу или къ своему *x̄p̄ios*, дѣти же оставались у мужа. Обыкновенно мужъ разводился такимъ образомъ со своей женой передъ свидѣтелями, хотя соблюденіе этой формальности было необязательно. Что же касается женщины, то она не имѣла права дѣйствовать самостоятельно, а должна была обратиться къ архонту, который совершалъ разводъ по ея просьбѣ только въ томъ случаѣ, если она въ письменномъ заявленіи свидѣтельствовала, что у нея были для этого шага вѣскія основанія.

Какъ ни просты были эти дѣйствія, для женщины, въ силу ея зависимаго положенія, они становились въ высшей степени затруднительными ¹⁾. Кромѣ того, и общественное мнѣніе очень осуждало разводящихся женщинъ ²⁾.

Такимъ образомъ, разводъ могъ имѣть мѣсто или съ согласія обоихъ супруговъ, или по желанію одного изъ нихъ, несмотря на нежеланіе другого. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ тотъ изъ супруговъ, который не хотѣлъ развода могъ возбудить противъ другого гражданскій искъ.

Дѣло о разводѣ могло быть возбуждено даже третьимъ лицомъ. Отецъ, напримѣръ, имѣлъ право разлучить свою дочь съ ея мужемъ съ цѣлью взять ее обратно къ себѣ

¹⁾ Гиппарета, жена Алкивіада, была добродѣтельной женщиной и любила своего мужа, но она выносила много страданій изъ-за его безпорядочной жизни. Она покинула супружескій домъ и удалилась къ своему брату. Алкивіадъ, повидимому, не былъ этимъ обезпокоенъ и продолжалъ свою разгульную жизнь. Гиппаратѣ надо было подать архонту прошеніе о разводѣ, и никто другой не могъ этого сдѣлать за нее. Когда она для выполненія этой законной формальности появилась на общественной площади, Алкивіадъ, бросившись къ ней, схватилъ ее и увелъ въ свой домъ: никто не препятствовалъ этому, и никто не посмѣлъ отнять ее у него. Она оставалась у него до самой своей смерти, которая произошла вскорѣ послѣ этого случая, когда Алкивіадъ былъ въ Ефесѣ. (П л у т а р х ѣ. Жизнь Алкивіада). (Прим. автора).

²⁾ Жестокъ и труденъ путь, по которому приходится идти женщинѣ, покинувшей домъ мужа и возвращающейся въ жилище отца своего. Съ краской на лицѣ проходятъ женщины этотъ путь. (Анаксандридъ). (Примѣч. автора).

или выдать ее замужъ за другого. Послѣ смерти отца ближайшій родственникъ имѣлъ право требовать, чтобы сирота, покинувъ своего мужа, вышла за него замужъ.

Мужъ могъ выдать свою жену замужъ за другого. Для этого, повидимому, не было необходимости въ ея согласіи. Правда, Плутархъ, рассказывая о Периклѣ, который передалъ свою жену другому, прибавляетъ, что она дала на это согласіе. Но не всѣ тексты гласятъ одно и то же относительно этого вопроса. Стримодоръ Эгинскій выдалъ замужъ свою жену за раба Гермея. Банкиръ Сократъ отдалъ свою за своего вольноотпущенника Сатира.

Разводъ влекъ за собой возвращеніе приданого, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ былъ вызванъ измѣной жены. Въ случаѣ замедленія въ расчетѣ, мужъ долженъ былъ заплатить и проценты, по 18 въ годъ.

Въ Туріумѣ супругъ, начавшій дѣло о разводѣ, могъ вступить въ другой бракъ лишь съ особой, превосходящей возрастомъ ту, съ которой онъ разставался.

Въ Гортинѣ на Критѣ разводъ разрѣшался при согласіи обѣихъ сторонъ, но и желанія одного изъ супруговъ также было достаточно. Однако дѣлалось различіе между разводомъ по произволу и разводомъ, имѣвшимъ серьезныя основанія. Такъ, на примѣръ, когда мужъ отсылалъ отъ себя свою жену безъ достаточныхъ причинъ, или когда онъ своей безпорядочной жизнью или дурнымъ обращеніемъ съ нею заставлялъ ее покинуть его, онъ былъ принужденъ вознаграждать ея убытки. Если въ вопросѣ о томъ, кто несъ на себѣ отвѣтственность за разводъ, между супругами не было согласія, споръ ихъ разрѣшался судомъ.

(Caillemet. Dict. des ant. de Daremberg et Saglio, II, стр. 319-321).

13. Обряды, совершавшіеся на седьмой и на десятый день послѣ рожденія ребенка.

Черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія ребенка, — въроятно, на седьмой день, — совершались обряды, называемые *ἀμφιδρόμια*. Если рождался мальчикъ, дверь дома украшалась оливковыми вѣнками; если дѣвочка — шерстяными гирлянд-

дами. Женщины, ухаживавшія за матерью, въ знакъ очищенія омывали руки. Одна изъ нихъ, держа ребенка на рукахъ, быстро обносила его вокругъ очага и приобщала его такимъ образомъ къ домашнему культу. Послѣ этого родственники и друзья семьи собирались на трапезу.

На десятый день ребенку давали имя. Нерѣдко, однако, случалось, что эта формальность совершалась на седьмой день. На жертвоприношеніе и пиршество приглашались родственники и друзья. По обычаю, ребенку надо было сдѣлать подарки; это были игрушки или маленькія вещицы, которыя потомъ вѣшали ему на шею.

Выполненіе этого обряда служило доказательствомъ, что отецъ признаетъ ребенка своимъ. „Каждый изъ васъ знаетъ“, говоритъ Демосѳенъ, „что никогда не празднуется десятый день ребенка, если онъ не считается законнымъ; съ другой стороны, отпраздновавъ десятый день и выразивъ ребенку любовь, которую питаютъ къ сыну, никто уже не позволяетъ себѣ отречься отъ него“. (Рѣчь противъ Беота, I, 22).

(По Becker-Göll, Chariklés, II, стр. 21—24, и Saglio, Dict. des antiq., I, стр. 238).

14. Собственныя имена.

Греки не имѣли фамилій, они носили обыкновенно только имя и отчество, т. е. имя отца въ родительномъ падежѣ: Κλέων Δίονος—Клеонъ, сынъ Діона.

Часто сыну давалось имя отца; такъ, наприимѣръ, было съ Демосѳеномъ. Но нерѣдко также мальчикъ получалъ имя своего дѣда съ отцовской стороны, въ особенности, если онъ былъ старшимъ сыномъ; такъ поступилъ Мильтіадъ ¹⁾ со своимъ сыномъ Кимономъ. Подобно этому дочери часто носили имя своей бабушки. Иногда ребенка называли именемъ его дяди или кого-нибудь изъ друзей. Нерѣдко случалось даже, что для имени ребенка брали названіе какого-нибудь иностраннаго народа. Такъ, Кимонъ

¹⁾ Мильтіадъ—знаменитый афинскій полководецъ V в. до Р. Х.; сынъ его Кимонъ—также полководецъ.

назвалъ своихъ трехъ сыновей—Лакедемономъ, Элеемъ и Фессаломъ.

Родители охотно выбирали для своихъ дѣтей имена, находящіяся въ связи съ ихъ собственной профессіей или съ той, которую они предназначали для своихъ дѣтей. Отсюда—тѣ совпаденія значенія именъ грековъ съ талантами, сдѣлавшими ихъ знаменитыми (Периклъ, т. е. тотъ, чья слава широко распространена; Демосѳенъ—сила народа). Эти совпаденія особенно часто наблюдались у художниковъ, наслѣдовавшихъ обыкновенно занятія отца (*Χερστέργων, Χερστέτορος, Εὐχεiros*, т. е. одаренный искусными руками).

Многія собственныя имена составлялись изъ наименованія божества или производнаго отъ одного изъ слѣдующихъ словъ: Θεοδορ, Θεοδοτ, Ζηνοδοτ, Διοδορ, Геродотъ. Если какой-нибудь богъ или герой считался покровителемъ семьи, ребенокъ получалъ имя, напоминающее объ этомъ покровительствѣ: Διογενъ, Απολλωνίη, Δεμετρίη, Διονισίη).

Наконецъ, нѣкоторыя имена представляли просто обозначеніе нравственныхъ свойствъ (*Σοφία, Ἀνδράγαθος, Ἀειμνήτης, Εὐχλεία*) ¹⁾.

(По S. Reinach, *Traité d'épigraphie grecque*, стр. 503 и сл., и Hermann-Blümner, *Griechische Privatalterthümer*, стр. 284—285).

15. Усыновленіе.

Усыновленія были очень часты въ Греціи. Исей ²⁾ указываетъ намъ основаніе этого обычая: „Всѣ тѣ“, говоритъ онъ, „кто чувствуетъ приближеніе смерти, заботятся, чтобы домъ ихъ не остался пустымъ, чтобы, наоборотъ, кто-нибудь приносилъ душамъ ихъ предковъ погребальныя жертвоприношенія и воздавалъ имъ всѣ предписываемыя обычаемъ почести. Слѣдовательно, если кому-нибудь грозила опасность

¹⁾ Мудрость, Мужественный, Всегда прославляемый, Славная.

²⁾ Исей—греч. ораторъ, жившій въ IV в. до Р. Х., учитель Демосѳена; изъ его многочисленныхъ рѣчей сохранилось 11: въ нихъ разсматриваются дѣла о наслѣдствѣ.

умереть безъ дѣтей, онъ пріобрѣталъ ихъ себѣ путемъ усыновленія“ (И с е й. Объ аполлодоровомъ наслѣдствѣ, 30). „Менеклъ“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „не хотѣлъ остаться бездѣтнымъ и стремился найти кого-нибудь, кто заботился бы о его старости, пока онъ живъ, похоронилъ бы его послѣ смерти и изъ года въ годъ воздавалъ бы почести его могилѣ“. (О наслѣдствѣ Менекла, 10). Такимъ образомъ, на усыновленія вліяла религіозная мысль. Усыновленіе совершали съ цѣлью имѣть увѣренность въ полученіи впослѣдствіи тѣхъ почестей, которыя должны воздаваться умершимъ.

Чтобы имѣть право усыновить кого-нибудь, надо было быть бездѣтнымъ. Однако усыновленіе не считалось недѣйствительнымъ, если послѣ совершенія его рождался законный ребенокъ; наслѣдство въ этомъ случаѣ дѣлилось между роднымъ и пріемнымъ сыномъ.

Само собой разумѣется, что усыновленіе несовершеннолѣтняго ¹⁾ могло происходить только съ согласія его родителей; для усыновленія совершеннолѣтняго не было необходимости въ какомъ бы то ни было разрѣшеніи.

Усыновленіе производилось или при жизни пріемнаго отца, или по завѣщанію.

Въ первомъ случаѣ усыновитель собиралъ своихъ родныхъ, членовъ своей фратріи и послѣ жертвоприношенія представлялъ имъ усыновляемаго; происходило голосованіе, и если результаты его были благопріятны, усыновляемаго вносили подъ его новымъ наименованіемъ въ списки членовъ фратріи. Впрочемъ, хотя по обычаю формальность эта и совершалась, но она не была обязательна.

Усыновленіе по завѣщанію приводилось въ дѣйствіе лишь послѣ смерти усыновителя. Такимъ путемъ можно было усыновить не только уже родившагося человѣка, но и того, появленія на свѣтъ котораго только ждали. Такъ, отецъ, имѣющій лишь однихъ дочерей, усыновлялъ иногда внука, который могъ родиться отъ одной изъ нихъ. Бывали даже посмертныя усыновленія: если умиралъ кс-ни-

¹⁾ См. гл. 16.

будь, не имѣющій потомства, наиболѣе близкій родственникъ его былъ обязанъ назначить ему приѣмнаго сына изъ своихъ дѣтей.

Усыновленный становился наслѣдникомъ усыновителя и какъ бы продолжателемъ его личности, подъ условіемъ выполнять по отношенію къ нему свои обязанности, состоящія въ заботѣ о его похоронахъ и въ почитаніи его предковъ. Взамѣнъ этого усыновленный разрывалъ всякую связь со своей первоначальной семьей. Если же у него являлось желаніе снова вернуться въ нее, онъ долженъ былъ оставить усыновившей его семьѣ своихъ дѣтей.

(Gide et Caillemet. Dict. des antiq., I, стр. 75).

16. Отцовская власть.

По сравненію съ первобытной эпохой власть отца въ Греціи съ теченіемъ времени чрезвычайно уменьшилась, такъ что, говоря вообще, въ V вѣкѣ она была болѣе или менѣе такою, какъ у насъ. Были, однако, и нѣкоторыя существенныя отличія.

Въ первые дни послѣ рожденія ребенка отецъ имѣлъ право отказаться отъ него, если онъ сомнѣвался въ законности его происхожденія. Но, даже считая его своимъ, онъ могъ бросить его, и это, несомнѣнно, случалось иногда, особенно когда дѣло касалось дѣвочки. Въ Фивахъ законъ формально запрещалъ этотъ обычай. Тѣмъ не менѣе, если человекъ былъ слишкомъ бѣденъ и не имѣлъ средствъ воспитывать своего ребенка, онъ пользовался возможностью передать его властямъ; эти послѣднія должны были озаботиться воспитаніемъ его на казенный счетъ, и подразумѣвалось, что воспитатель, сыгравшій для ребенка роль отца, въ видахъ вознагражденія за свои труды, впослѣдствіи могъ пользоваться ребенкомъ, какъ рабомъ. Въ Ефесѣ отказъ воспитывать ребенка также разрѣшался лишь въ случаѣ совершенной нищеты.

Отецъ пользовался также правомъ отречься отъ сына, а слѣдовательно, лишить его наслѣдства, въ томъ случаѣ, если послѣдній дурно поступалъ по отношенію къ нему.

Это право было признано за нимъ въ частности законами Солона, Питтака и Харонда.

Платонъ требуетъ отъ отца, чтобы онъ предварительно узналъ мнѣніе семейнаго совѣта и подчинялся рѣшенію его большинства. Но это не привилось даже въ Аѣинахъ, и отцу достаточно было объявить публично черезъ герольда свою волю. Единственнымъ контролемъ, которому онъ подлежалъ, было общественное мнѣніе. Это дѣйствіе называлось *ἄπομήρυξις*. Надо прибавить, что оно примѣнялось крайне рѣдко.

У отца, наконецъ, было право назначать опекуновъ для своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей и указывать въ завѣщаніи, за кого должна выйти замужъ его дочь.

Власть отца надъ его дѣтьми прекращалась съ ихъ совершеннолѣтіемъ, которое считалось или когда исполнялось восемнадцать лѣтъ, или на восемнадцатомъ году.

17. Обязанности дѣтей по отношенію къ родителямъ.

Дѣти въ Греціи обязаны были нести по отношенію къ родителямъ обычный долгъ почтенія и повинovenія. Безполезно было бы перечислять подробно всѣ ихъ обязательства; достаточно упомянуть о двухъ изъ нихъ.

Прежде всего, сынъ долженъ былъ доставлять своимъ родителямъ содержаніе, если они впадали въ нужду. „Законъ“, говоритъ Исей, „повелѣваетъ заботиться о прокормленіи родителей; родителями же являются отецъ, мать, дѣдъ, бабка, прадѣдъ и прабабка“. (О наслѣдствѣ Кирона, 32).

Существовало тѣсное соотношеніе между правомъ на наслѣдство и обязанностью давать содержаніе тому лицу, отъ кого наслѣдство переходило; одинъ кліентъ Исея предъявлялъ требованія на наслѣдство одного человѣка какъ разъ на томъ основаніи, что если бы этотъ человѣкъ былъ еще живъ и впалъ въ нужду, то обязанность содержать его легла бы именно на истца. (О наслѣдствѣ Клеонима, 39—40).

Сынъ освобождался отъ этой обязанности лишь въ одномъ случаѣ: если отецъ, несмотря на свою бѣдность, пренебрегъ долгомъ обучить сына какому-нибудь ремеслу, онъ терялъ всякое право на содержаніе. (Плутархъ. Солонъ, 22).

Во-вторыхъ, на сынѣ лежала обязанность воздавать своимъ умершимъ родителямъ предписываемыя религіозными установленіями почести. Среди обвиненій, выставляемыхъ противъ Леократа ораторомъ Ликургомъ ¹⁾, находится „преступное оскорбленіе родителей, состоящее въ томъ, что онъ самъ уничтожилъ ихъ могилы и отмѣнилъ необходимые для нихъ погребальные обряды“.

Сынъ, пренебрегающій своими обязанностями, могъ быть преданъ суду.

Выборъ наказанія предоставлялся на усмотрѣніе суда, который иногда доходилъ до произнесенія смертныхъ приговоровъ. Во всякомъ случаѣ, виновный лишался всѣхъ политическихъ правъ.

18. Правила наслѣдованія.

Наслѣдства переходили сначала въ руки прямыхъ потомковъ, т. е. сыновей, а за отсутствіемъ ихъ—къ дочерямъ. Наслѣдство дѣлилось поровну. Наслѣдникъ по прямой линіи самостоятельно овладѣвалъ имуществомъ и не имѣлъ надобности просить о введѣ во владѣніе. Приемныя дѣти пользовались совершенно тѣми же правами, что и дѣти родныя. Что же касается дѣтей незаконныхъ, то они не имѣли никакихъ правъ на наслѣдство. Законъ исключалъ ихъ изъ семьи и разрѣшалъ только завѣщать имъ не болѣе 1000 драхмъ (около 370 рублей).

Послѣ прямыхъ потомковъ законъ обращается къ боковымъ родственникамъ, не останавливаясь на восходящей линіи. Передача наслѣдства по восходящей линіи, по мнѣнію древнихъ, заключала бы въ себѣ противорѣчіе. Наслѣдованіе по боковой линіи находилось въ зависимости отъ

¹⁾ Ликургъ—афинскій государственный дѣятель IV в. до Р. Х.

степени родства. Законъ выдвигаетъ прежде всего потомство одного и того же отца, т. е. братьевъ покойнаго и ихъ дѣтей, затѣмъ—сестеръ и ихъ дѣтей; во второй линіи идутъ потомки дѣда со стороны отца, т. е. двоюродные братья покойнаго и ихъ дѣти, всегда съ предпочтеніемъ мужчинамъ. На дѣтяхъ двоюродныхъ братьевъ наслѣдованіе по мужской линіи прерывается. За неимѣніемъ родственниковъ по отцу или по дѣду, въ томъ же порядкѣ слѣдуютъ родственники матери по нисходящей линіи, затѣмъ потомство бабки съ материнской стороны. Далѣе снова наслѣдованіе переходитъ къ ближайшимъ родственникамъ съ отцовской стороны.

Боковые родственники могли получить наслѣдство лишь послѣ хлопотъ о введѣ во владѣніе.

Каждый изъ наслѣдниковъ могъ отказаться отъ наслѣдства.

(Dareste. *Plaidoyers civils de Demosthène*, I, стр. XXVII—XXIX).

19. Духовное завѣщаніе.

Завѣщаніе было неизвѣстно аѳинянамъ до начала VI вѣка, а спартанцамъ—до начала IV до Р. X.

Этотъ актъ признавался дѣйствительнымъ только при соблюденіи многочисленныхъ условій. Прежде всего требовалось, чтобы завѣщатель находился въ полномъ самообладаніи. Тотъ, кто подвергался физическому или нравственному принужденію, кто благодаря старости, болѣзни или сумасшествію лишался своихъ духовныхъ способностей, по смыслу закона не имѣлъ права располагать своимъ имуществомъ. Всякій гражданинъ, вѣдающій общественными деньгами, лишался права завѣщать впредь до утвержденія его отчетовъ. Несовершеннолѣтніе и женщины были въ томъ же положеніи. Приемный сынъ также не пользовался правомъ завѣщать свое имущество, потому что, если онъ умиралъ безъ потомства, его состояніе доставалось семьѣ его усыновителя.

Духовное завѣщаніе составлялось обыкновенно при свидѣтеляхъ и хранилось или у кого-нибудь изъ друзей

завѣщателя, или въ храмѣ, или у должностного лица. Содержаніе завѣщанія лишь въ рѣдкихъ случаяхъ доводилось до свѣдѣнія свидѣтелей; они знали только, что завѣщаніе сдѣлано. Въ завѣщаніи всегда можно было сдѣлать приписку и даже уничтожить его.

Одна фраза у Плутарха указываетъ, повидимому, что въ Спартѣ существовала полнѣйшая свобода завѣщанія. Въ Аѳинахъ законъ разрѣшалъ завѣщать въ пользу родственника или лица посторонняго, только если не было мужского потомства. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ желаемаго наследника усыновляли посредствомъ завѣщанія. Если у отца была только одна дочь, онъ могъ завѣщать свое состояніе, но лишь подъ условіемъ обязательства со стороны наследника жениться на его дочери. Если же у него было нѣсколько дочерей, онъ не назначалъ наследниковъ по числу ихъ, а выбиралъ одного, который получалъ наследство съ обязательствомъ выдать замужъ остальныхъ дочерей и дать всѣмъ имъ приданое.

Иногда отецъ дѣлалъ духовное завѣщаніе только съ цѣлью раздѣлить имущество поровну между его дѣтьми, но обыкновенно къ этому прибѣгали, чтобы поступить противъ обычнаго права и чтобы назначить дѣтямъ неравныя части. Завѣщатель могъ отдать преимущество тому изъ дѣтей, кого онъ любилъ больше; чаще всего это былъ старшій сынъ. Онъ имѣлъ право наряду со своими сыновьями включить въ число наследниковъ какого угодно человѣка. На Критѣ часть состоянія, которою можно было располагать такимъ образомъ, была низведена до суммы около двадцати рублей. Въ Аѳинахъ вмѣсто ограниченій въ законахъ, кажется, существовали просто обычаи.

Всякое духовное завѣщаніе можно было обжаловать предъ судомъ. Для отмѣны его требовались, конечно, серьезные поводы, если судьями бывали должностныя лица, какъ въ Спартѣ, въ Элидѣ, въ Гортинѣ. Наоборотъ, при многолюдномъ составѣ суда въ Аѳинахъ, на Хіосѣ, въ Милетѣ и въ Эресѣ, и вообще въ демократическихъ государствахъ, были гораздо менѣе склонны уважать волю умершаго. Мало занимаясь изученіемъ законовъ и мало

забѣтяться о точномъ примѣненіи ихъ правилъ, эти судьи легко поддавались вліянію соображеній о разумности основаній завѣщанія или же мыслямъ, не относящимся къ самому завѣщанію.

20. Завѣщаніе Платона.

„Платонъ оставилъ имущество, обозначенное ниже, и распорядился слѣдующимъ образомъ:

Земля, расположенная въ Ифестіадахъ, не можетъ быть отчуждаема ни путемъ продажи, ни обмѣна, но должна остаться по возможности собственностью сына моего Адиманта. То же относится къ землѣ, расположенной въ Эресіадахъ и купленной мною у Каллимаха.

3 мины серебра (около 100 руб.), серебряный кувшинъ, вѣсящій 165 драхмъ (720 грамм.), чашу вѣсомъ въ 45 драхмъ (196 грамм.), золотое кольцо и золотыя серьги, вѣсящія вмѣстѣ 4 драхмы и 3 обола (30 грамм.).

Эвклидъ-каменотесъ долженъ мнѣ 3 мины.

Я отпускаю на волю Артемиду.

Я оставляю рабовъ Тихона, Бикта, Аполлоніада, Діонисія; утварь, обозначенную въ спискѣ, копія котораго есть у Деметрія.

Я никому ничего не долженъ.

Опекуны: Сосоенъ, Спевсиппъ, Деметрій, Гегій, Евримедонтъ, Каллимахъ, Фрасиллъ“.

(Діогенъ Лаэртскій¹⁾). *Vitae philosoph.*, книга III, гл. 41—42).

21. Дочь=наслѣдница.

Въ отношеніи правъ наслѣдованія женщины находились въ значительно худшемъ положеніи, чѣмъ мужчины.

Прежде всего, если женщина была соперницей мужчины, находящагося въ одинаковой съ ней степени родства, мужчина всегда пользовался преимуществомъ.

¹⁾ Діогенъ Лаэртскій—греческій писатель, жившій въ концѣ II и началѣ III в. послѣ Р. Х.

Во-вторыхъ, дочь, по крайней мѣрѣ въ Аѳинахъ, по закону, не могла наслѣдовать при наличности сына. Приданое, которое она получила, или которое она могла получить впослѣдствіи, было все, на что она имѣла право рассчитывать, и приданое это не было равно части ея брата. Такъ, отецъ Демосѳена, имѣвшій двухъ дѣтей, оставилъ въ приданое дочери только два таланта изъ состоянія въ четырнадцать талантовъ. На Критѣ дочь имѣла право только на половину движимаго имущества и податей, вносимыхъ зависимыми крестьянами.

Если умершій имѣлъ только одну дочь, она становилась наслѣдницей, или, вѣрнѣе, какъ бы пріобщалась къ наслѣдству; въ такомъ случаѣ она называлась *ἐπίκληρος*, т. е. дочерью-наслѣдницей. Часто отецъ при жизни или по завѣщанію назначалъ ей мужа или жениха. Если онъ не сдѣлалъ этого, то забота выдать наслѣдницу-сироту замужъ ложилась на общественныя власти—царя у спартанцевъ, архонта у аѳинянъ. Впрочемъ, должностныя лица не могли руководиться при выборѣ мужа дѣвушкамъ ни своими, ни ея желаніями.

Существовалъ утвержденный закономъ порядокъ, касающійся жениховъ наслѣдницы. Платонъ согласно съ гортинскимъ закономъ ¹⁾ указываетъ, что такая наслѣдница должна быть предложена въ жены сначала одному изъ дядей съ отцовской стороны, „начиная съ самаго старшаго“, потомъ одному изъ двоюродныхъ братьевъ, далѣе одному изъ другихъ родственниковъ, слѣдуя степенямъ ихъ родства. Замужество такого рода было обязательно для дѣвушки подъ страхомъ потерять половину наслѣдства.

Если въ то время, когда она дѣлалась наслѣдницей, она была замужемъ, ее могли заставить покинуть своего мужа. Родственники, имѣющіе въ указанной послѣдовательности право на ея руку, не несли безусловнаго обязательства жениться на ней; каждый изъ нихъ могъ уступить свои

¹⁾ Гортина былъ городъ на о. Критѣ. Недавно найдена длинная надпись, воспроизводящая значительную часть ея гражданскаго кодекса. (Примѣч. автора).

права на нее слѣдующему за нимъ по степени родства. Подобнаго рода замѣщенія были нерѣдки въ Аѳинахъ. На Критѣ упорствующій родственникъ могъ быть присужденъ судомъ къ женитьбѣ въ двухмѣсячный срокъ. Если всѣ родственники одинъ за другимъ отказывались вступить въ бракъ съ наслѣдницей, она получала возможность выбирать себѣ мужа по своему собственному желанію среди мужчинъ своего рода. Наконецъ, если не находилось жениха въ родѣ, родственники опрашивали всѣхъ: „не хочетъ ли кто жениться?“. Иногда какой-нибудь мужчина отвѣчалъ согласіемъ на этотъ призывъ, и бракъ совершался въ тридцатидневный срокъ; въ случаяхъ, когда никто изъ нихъ не выражалъ желанія, дѣвушка „выходила за кого могла“, даже внѣ своего рода. Если нѣсколько родственниковъ вступали изъ-за нея въ споръ, дѣло разрѣшалось постановленіемъ суда.

Въ сущности говоря, дочь-наслѣдница не получала отцовскаго имущества въ собственность; она была только какъ бы хранительницей его. Настоящимъ наслѣдникомъ ея отца являлся сынъ, который могъ родиться отъ нея. Она была лишь посредницей, черезъ которую имущество дѣда передавалось внуку.

Эти столь своеобразныя правила были внушены религіей. „Законодатель хотѣлъ дать человѣку, умирающему безъ наслѣдниковъ мужского пола, посмертнаго продолжателя, наслѣдника, который получилъ бы его состояніе и который продолжилъ бы культъ его очага. Законодатель желалъ, кромѣ того, чтобы этотъ наслѣдникъ по возможности былъ кровнымъ родственникомъ умершаго, и думалъ, что онъ можетъ явиться благодаря браку дочери покойнаго съ ближайшимъ родственникомъ. Какъ только отъ такого брака рождался сынъ, онъ разсматривался какъ сынъ своего дѣда. Благодаря ему должно было совершиться возстановленіе дома умершаго и возобновленіе прерванныхъ домашнихъ жертвоприношеній“.

(Caillemer. Le droit de succession légitime à Athènes, стр. 45—46).

22. Опека.

По смерти отца несовершеннолѣтнія дѣти попадали во власть опекуна, указаннаго въ завѣщаніи умершаго. Въ случаѣ отсутствія такого указанія, опека переходила къ ближайшему родственнику въ томъ же порядкѣ, который дѣйствовалъ при законѣ о наслѣдствахъ; наконецъ, за неимѣніемъ родственниковъ, опекунъ назначался въ Аѳинахъ архонтомъ. Въ вѣдѣніи опекуна находилось управленіе и распоряженіе имуществомъ несовершеннолѣтняго. Но законъ обязывалъ опекуна отдавать въ аренду это имущество въ присутствіи архонта и брать при этомъ закладную на личное имущество арендатора.

(Dareste. Plaidoyers civils de Demosthène, I, стр. XXVI).

Среди опекуновъ бывали и люди честные, и такіе, которые недобросовѣстно относились къ своимъ обязанностямъ. Примѣръ Демосѳена въ этомъ отношеніи является наиболѣе любопытнымъ.

„Мой отецъ“, говорилъ онъ, „оставилъ состояніе приблизительно въ 14 талантовъ (около 30.100 р.), семилѣтняго сына т. е. меня, пятилѣтнюю дочь и нашу мать, которая принесла въ нашъ домъ 50 минъ (около 1.800 р.). Умирая, отецъ сдѣлалъ распоряженія относительно насъ и передалъ всѣ дѣла Афобу и Демосѳону, двумъ своимъ племянникамъ, одинъ изъ которыхъ былъ со стороны брата, другой — со стороны сестры. Въ качествѣ помощника ихъ онъ назначилъ Фериппиду, не связаннаго съ нимъ никакими семейными узами, но бывшаго его другомъ дѣтства. Отецъ отдалъ Фериппиду въ пользованіе 70 минъ (около 2.590 р.), которыя онъ долженъ былъ взять изъ моего состоянія за все время его опеки вплоть до моего совершеннолѣтія; отецъ поступилъ такъ, чтобы Фериппидъ изъ алчности не сталъ дурно управлять моимъ имуществомъ. Демосѳону онъ отдалъ мою сестру и 2 таланта (около 4.440 р.), которые должны были быть выплачены ему немедленно. Афобу же онъ завѣщалъ нашу мать съ 80 минами (около 2.960 р.) приданаго, а кромѣ того, пользованіе моимъ домомъ и движимымъ имуществомъ. Онъ рассчитывалъ, что, благодаря установленію этихъ двой-

ныхъ родственныхъ связей между ними и мной, дѣла по опекаѣ надо мной будутъ идти лучше“. (Демосоенъ. Первая рѣчь противъ Афоба, 4—5).

Но эта надежда оказалась тщетной. Прежде всего, Афобъ не женился на матери Демосоена, а Демофонъ—на его сестрѣ, но это не помѣшало имъ присвоить себѣ оба приданья, въ то время какъ Фериппидъ наложилъ руки на капиталъ, доходы съ котораго онъ только и могъ трогать. Во-вторыхъ, опекуны расхитили ввѣренное имъ родовое имущество. Чтобы выполнить свои обязанности, они могли итти двумя путями: управлять имуществомъ опекаемаго сами, увеличивая его доходы, или сдать это имущество, при свидѣтелѣ-архонтѣ, въ аренду, что и было бы наиболѣе надежнымъ. Но ни на одно мгновеніе они не подумали отдать имѣніе въ аренду; наоборотъ, они вошли въ соглашеніе другъ съ другомъ, чтобы разграбить и расхитить почти все наслѣдіе.

Они продали по дешевымъ цѣнамъ находящіеся въ кладовой сырые продукты, чтобы выплатить Фериппиду его 70 минъ. Для предоставленія Афобу слѣдовавшихъ ему 80 минъ они распродали половину рабовъ-оружейниковъ, благодаря чему мастерская сразу пришла въ упадокъ. Въ теченіе двухъ первыхъ лѣтъ Афобъ управлялъ оружейной фабрикой и утверждалъ, что онъ не только не извлекъ изъ нея никакихъ выгодъ, но еще и самъ истратилъ 5 минъ (около 185 р.). Затѣмъ на долгое время работы остановились. Въ концѣ концовъ, за дѣло принялся Фериппидъ, но не вернулъ этой фабрикѣ былого благосостоянія. Что касается фабрики мебели для сидѣнья, то она исчезла по винѣ Афоба. Коротко говоря, небрежность и жадность опекуновъ была такова, что, когда Демосоенъ достигъ совершеннолѣтія, т. е. черезъ десять лѣтъ, то они предложили ему смѣхотворную сумму въ 70 минъ, не считая, безъ сомнѣнія, его дома, стоившаго 30 минъ (около 1.100 руб.). А согласно съ очень правдоподобнымъ расчетомъ Демосоена наслѣдство его при хорошемъ управленіи должно было бы къ этому времени достигнуть 30 талантовъ (около 66.600 руб.).

Подождавъ два года, Демосѣенъ рѣшилъ жаловаться на своихъ опекуновъ, и сначала повелъ наступленіе на Афоба, отъ котораго требовалъ 10 талантовъ (около 22.200 р.). Несмотря на всевозможныя препятствія, которыя воздвигалъ ему его противникъ, онъ выигралъ дѣло. Но Афобъ не заплатилъ ему въ законный срокъ; болѣе того, когда Демосѣенъ хотѣлъ завладѣть его недвижимымъ имуществомъ, онъ натолкнулся на сопротивленіе нѣкоего Онетора, который объявилъ себя кредиторомъ Афоба, взявшимъ имущество его въ залогъ. Этотъ долгъ былъ, повидимому, совершенно фиктивнымъ; онъ имѣлъ цѣлью лишь предохранить имущество Афоба противъ всякаго наложенія запрещенія. Но тогда Демосѣенъ вынужденъ былъ столкнуться съ Онеторомъ; впрочемъ, неизвѣстно, каковъ былъ исходъ этого второго процесса. Незвѣстно также, было ли возбуждено преслѣдованіе противъ двухъ другихъ опекуновъ, Демофона и Фериппида. Вѣроятно, они пришли къ какому-нибудь соглашенію, но Демосѣенъ, повидимому, въ концѣ концовъ оказался обладателемъ состоянія гораздо меньшаго размѣра, чѣмъ то, какое оставилъ ему отецъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Воспитаніе.

Содержаніе: 1. Ребенокъ до семилѣтняго возраста.—2. Отсутствіе правительственной школы въ Аѳинахъ.—3. Правительственная школа въ Теосѣ и въ другихъ мѣстахъ.—4. Литературное и музыкальное образованіе.—5. Гимнастика.—6. Высшее образованіе.—7. Модный учитель.—8. Внѣшкольное воспитаніе ребенка.—9. Аѳинская дѣвушка.—10. Эфебія.—11. Клятва эфебовъ.—12. Эфебы внѣ службы.—13. Спартанское воспитаніе.—14. Спартанская дѣвушка.—15. Общественное воспитаніе на Критѣ.

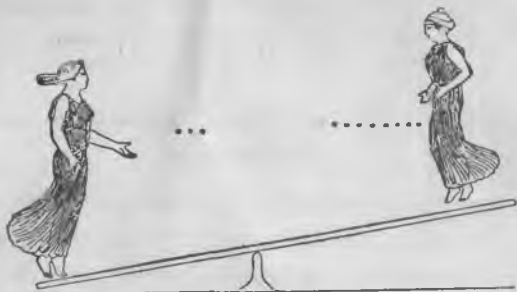
1. Ребенокъ до семилѣтняго возраста.

Въ Греціи существовало двѣ системы воспитанія: спартанская и аѳинская.

Спартанцы не пеленали дѣтей въ свивальники; они приучали ихъ къ переменамъ погоды, мыли ихъ холодной водой и одѣвали легко даже зимой. Аѳиняне пользовались болѣе нѣжными приемами. Имъ ставили въ упрекъ, что они воспитывали свое молодое поколѣніе, какъ теперь говорится, въ ватѣ. Однако, даже въ Аѳинахъ были сторонники спартанскаго воспитанія—лакономаны. Было въ обычаѣ брать кормилицъ изъ мѣстностей, жители которыхъ отличались хорошимъ здоровьемъ, напримѣръ, изъ Фесалии, Пелопоннеса. Но строгіе люди очень порицали этотъ эгоистическій способъ воспитанія, благодаря которому ребенокъ отрывался отъ матери и передавался въ наемныя руки. Философы проповѣдывали необходимость кормленія грудныхъ дѣтей матерью и стыдили молодыхъ женщинъ за ихъ непопозволенное кокетство, за ихъ лѣнь; но, повидимому, большинство женщинъ было глухо къ наставленіямъ философовъ.

(Pottier, въ Temps, отъ 21 декабря 1889 г.).

Лѣтъ до шести или семи ребенокъ былъ всецѣло поглощенъ играми. Рисунки на вазахъ даютъ намъ возможность ознакомиться съ любопытными подробностями. „Мы видимъ тамъ бѣгущихъ мальчугановъ, которые тащатъ за собой небольшую двухколесную телѣжку. Маленькій мальчуганъ,

Дѣвушки, качающіяся на доскѣ (рис. на вазѣ).

лѣтъ около трехъ, сидя на землѣ, повидимому, чрезвычайно поглощенъ окапываніемъ вѣточки какого-то растенія, которая кажется ему, несомнѣнно, плодовымъ деревомъ. Другой, менѣе благоразумный ребенокъ, влекомый инстинктами лакомки, ползетъ на четверенькахъ къ столу, уставленному яствами и пирожными, и готовъ стащить закуску своего разсѣяннаго товарища. Въ этихъ забавахъ нерѣдко участвуютъ животныя: то запрягаютъ въ маленькую повозку послушную

Мальчикъ дразнитъ собаку (рис. на вазѣ).

Мальчикъ, ѣдущій на собакахъ (рис. на вазѣ).

собачонку, и дѣти заранѣе охвачены волненіями, какія люди испытываютъ при состязаніяхъ на ристалищахъ, гдѣ кто-нибудь изъ ихъ взрослыхъ братьевъ получилъ призъ. За неимѣніемъ лошади дѣти хватаютъ ни въ чемъ неповинную

утку и стараются осѣдлатъ ее, чтобы приспособить къ верховой ѣздѣ. На одной вазѣ нарисованъ мальчишка, со всѣхъ ногъ спасающійся отъ собаки, которая, оскаливъ зубы, вотъ-вотъ догонитъ его и схватитъ пирогъ, находящійся въ рукѣ у бѣглеца. Телѣжка, запряженная козами, также была дѣтскимъ развлеченіемъ въ Аѣинахъ“.

(Pottier. L'Artiste, 1890, т. I, стр. 107).

2. Отсутствие правительственной школы въ Аѣинахъ.

Въ Аѣинахъ не было государственной организаціи школьнаго дѣла. Тамъ господствовала полная свобода обученія, которое велось обыкновенными частными лицами въ частныхъ помѣщеніяхъ. Но относительно обязательности обученія существовали законодательныя постановленія. Законъ, на примѣръ, принуждалъ родителей давать дѣтямъ образованіе; впрочемъ, уже съ раннихъ временъ національные нравы, естественная наклонность аѣинскаго народа къ умственному развитію сдѣлали это предписаніе почти бесполезнымъ; оно предохраняло только отъ полного невѣжества тѣхъ дѣтей, которымъ бѣдность не давала возможности продолжать школьную жизнь, такъ какъ надо признать, что если въ V и IV вѣкахъ въ Аттікѣ было мало неграмотныхъ, то граждане ея обладали далеко не одинаковымъ умственнымъ развитіемъ. Впрочемъ, никакой программы народнаго образованія, установленной законодателемъ, не существовало; послѣдній довольствовался указаніемъ самыхъ общихъ рамокъ, предоставляя учителямъ наполнять ихъ содержаніемъ по своему усмотрѣнію. Не было и постановленій народнаго собранія, которыя вмѣщивали бы народъ въ дѣло воспитанія; школьные законы, которые извѣстны намъ наилучшимъ образомъ, представляютъ собой старинныя полицейскія постановленія, назначеніе которыхъ было создать въ школахъ скромность и благопристойность поведения учащихся. На должностныхъ лицахъ, носившихъ названіе софронистовъ, лежала обязанность надзирать за соблюденіемъ приличій во всѣхъ собраніяхъ молодежи. Софронисты

были подчинены Ареопагу, до половины V вѣка пользовавшемуся на юношество нравственнымъ вліяніемъ, которое вытекало изъ принадлежащей ему цензорской власти. Отнялъ эту власть у Ареопага Эфіальтъ¹⁾; въ IV вѣкѣ ее возвращаютъ ареопагу, который затѣмъ опять утрачиваетъ ее и возвращаетъ снова лишь въ эпоху римскаго владычества²⁾. Къ концу того же вѣка мы видимъ, что въ воспитаніе дѣтей вмѣшиваются стратеги. (По Girard, l'Education athénienne, стр. 59—60).

Однако свобода преподаванія не предполагала свободы распространенія какихъ угодно ученій. Учитель не долженъ былъ забывать, что въ его рукахъ находились будущіе граждане, и онъ не имѣлъ права направлять ихъ умъ по своему произволу. Онъ былъ обязанъ развивать въ нихъ не только любовь къ отечеству, но и любовь къ національнымъ учрежденіямъ. Учитель, проповѣдующій при господствѣ демократическаго строя презрѣніе къ демократіи, подвергался преслѣдованію. Сократъ не имѣлъ, собственно говоря, школы и распространялъ свои идеи путемъ бесѣдъ. Однако онъ былъ обвиненъ въ развращеніи юношества, т. е. во внушеніи ему вражды къ основамъ установленнаго правительственнаго строя, и за это былъ присужденъ къ смерти.

3. Правительственная школа въ Теосѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Одна теосская надпись указываетъ намъ, что въ III вѣкѣ до Р. Х. въ этомъ городѣ были правительственные учителя. Одинъ человекъ, по имени Политрой, пожертвовалъ своимъ согражданамъ 34.000 драхмъ (около 12.600 р.), чтобы оказать поддержку въ расходахъ по образованію всѣхъ свободныхъ дѣтей, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ. Изъ процентовъ съ этой суммы должно было прежде

¹⁾ Эфіальтъ—вождь народной партіи въ Афинахъ, жившій въ V в. до Р. Х.

²⁾ Т. е. во II вѣкѣ до Р. Х.

всего выплачиваться вознагражденіе тремъ учителямъ литературы, назначаемымъ ежегодно народнымъ собраніемъ. Одинъ изъ нихъ, занимающій мѣсто перваго разряда, долженъ получать 600 драхмъ (около 220 руб.), учитель втораго разряда—550 драхмъ (около 205 руб.), а третьяго—500 драхмъ (185 руб.). Затѣмъ идутъ два учителя гимнастики, съ жалованьемъ по 500 драхмъ, учитель музыки, получавшій 700 драхмъ (около 260 р.), учитель фехтованія и учитель стрѣльбы изъ лука и метанья дротиковъ: первый получалъ 300 драхмъ (около 110 р.), второй 250 драхмъ (около 95 р.). Надпись не указываетъ, имѣли ли учителя, кромѣ того, право получать плату отъ учениковъ. Ученики дѣлились на три класса по возрасту.

Этотъ примѣръ не единственный въ Греціи. Находятся слѣды общественной организациі школы въ Дельфахъ во II вѣкѣ до Р. Х. и въ городахъ Южной Италіи въ болѣе раннюю эпоху.

(Dittenberger. Sylloge inscriptionum graecarum, 349. Girard. L'Education athénienne, стр. 20).

4. Литературное и музыкальное образованіе.

Аѳинское образованіе въ V вѣкѣ заключалось въ прохожденіи трехъ группъ предметовъ: словесныхъ наукъ, музыки и гимнастики. Первая преподавалъ грамматистъ, вторая—китаристъ, третья—педотрибъ.

Повидимому, ребенокъ отъ семи до двѣнадцати или четырнадцати лѣтъ дѣлилъ свое время между занятіями словесными науками и музыкой, а съ четырнадцати лѣтъ занимался главнымъ образомъ гимнастикой, не отказываясь изъ-за этого и отъ умственной жизни.

Первоначальныя свѣдѣнія, пріобрѣтаемыя имъ, состояли, какъ и повсюду, изъ чтенія, письма и первоначальнаго счета. Затѣмъ учитель заставлялъ ученика читать въ школѣ стихи, взятые у лучшихъ поэтовъ, и учить на память стихотворенія, наполненныя полезными совѣтами или заключавшія поучительныя повѣствованія, восхваленія великодушныхъ

Сцены изъ жизни греческой школы.

людей, которые когда-нибудь совершили великіе и благородные поступки. Это являлось средствомъ не литературнаго, а нравственнаго развитія. Затѣмъ слѣдовало чтеніе отрывковъ изъ эпическихъ (главнымъ образомъ Гомера), лирическихъ и трагическихъ поэтовъ. Эти уроки совершенно не похожи были на тѣ, которые задаются учителемъ современной школы въ классѣ и выучиваются дѣтьми дома.

Чтобы запечатлѣть какой-нибудь текстъ въ памяти учениковъ, учитель произносилъ его передъ ними по частямъ,

а они повторяли слышанное стихъ за стихомъ или фразу за фразой. Это была какъ бы диктовка, но предназначенная не для записыванія. Ученики подходили къ учителю одинъ за другимъ или всѣ вмѣстѣ и отвѣчали ему урокъ до тѣхъ поръ, пока не заучивали его вполне твердо.

Большую роль въ воспитаніи играла музыка, которой обучали китаристы. Единственными употреблявшимися въ Греціи инструментами были цитра, или лира, и флейта. Рисунки на вазахъ даютъ намъ понятіе о примѣнявшихся тогда способахъ обученія. Сначала учитель исполнялъ какую-нибудь арію, а ученики повторяли ее вслѣдъ за нимъ. Дѣти распѣвали также произведенія лучшихъ лириковъ съ аккомпаниментомъ лиры или безъ него. Греки приписывали музыкѣ способность оказывать особое вліяніе. Платонъ утверждаетъ, на примѣръ, что это искусство внушаетъ чловѣку стремленіе къ добродѣтели, а Дамонъ ¹⁾ провозглашалъ, какъ основное правило, что нельзя измѣнять музыкальныя правила безъ потрясенія государства.

Но въ глазахъ громаднаго большинства грековъ музыка преслѣдовала только одну цѣль—быть украшеніемъ чловѣка. Молодой афинянинъ изучалъ ее потому, что эти уроки были естественнымъ дополненіемъ его учебныхъ занятій, и потому, что чловѣкъ благороднаго происхожденія долженъ для развлеченія умѣть играть на лирѣ. Но музыка играла роль не только искусства для удовольствія: благородство ея мѣрныхъ звуковъ и неразрывно соединенная съ нею поэзія возвышала сердца и освобождала ихъ отъ мелочныхъ побужденій.

(По Girard, l'Education athénienne, 2 ч., кн. I, гл. 2 и 3).

5. Гимнастика.

Гимнастика становилась для юноши-грека предметомъ серьезныхъ занятій только съ четырнадцатилѣтняго возраста. Главными упражненіями, которымъ мальчиковъ

¹⁾ Дамонъ — греческій философъ изъ Сиракузъ, жилъ въ IV в. до Р. X.

обучалъ педотрибъ, были борьба, бѣгъ, прыганье, метанье диска и дротика.

Самымъ стариннымъ и наиболѣе почитаемымъ упражненіемъ была борьба, потому что она требовала одновременно и силы, и ловкости, и присутствія духа, а кромѣ того она приводила въ дѣйствіе всѣ мускулы. Борьба происходила въ грязи или въ пыли. Грязь увеличивала ея трудность: она препятствовала сохраненію равновѣсія; а такъ какъ противники катались въ ней другъ на другѣ, то тѣло ихъ, уже скользкое отъ масла, которымъ ихъ мазали, и струившагося пота, было почти невозможно схватить и удержать.

Пыль, наоборотъ, прилипая къ тѣлу, облегчала борьбу; ее умышленно подымали облаками, которыя осаживались на противника и позволяли схватить его такъ крѣпко, что онъ не могъ выскользнуть. Этотъ мелкій, прилипающій къ тѣлу песокъ предохранялъ также отъ простуды: закрывая поры, онъ защищалъ борца отъ порывовъ рѣзкаго вѣтра, который дѣлалъ иногда климатъ Аттики такимъ суровымъ. Бывало, что по окончаніи борьбы борцы еще разъ катались въ этой благодѣтельной пыли, чтобы осушить свои тѣла; затѣмъ они очищались съ помощью банной скребницы ¹⁾, мылись въ бассейнѣ и, конечно, снова натирались масломъ, чтобы придать суставамъ всю ихъ гибкость.

Цѣлью борцовъ было положить своего противника на спину такимъ образомъ, чтобы онъ коснулся земли обѣими лопатками. Чтобы считаться побѣдителемъ, надо было трижды достигнуть того же результата. Борьба, слѣдовательно, состояла въ томъ, чтобы повалить на землю, не нанося ударовъ. Отсюда—различныя хитрости и настоящее искусство, малѣйшіе оттѣнки котораго греческій языкъ умѣлъ передать. Два главныхъ вида этого состязанія состояли въ борьбѣ, при которой или держались на ногахъ, или катались по землѣ. Въ первой старались повалить своего противника, сами оставаясь на ногахъ; во второй, часто предшествовавшей первой, оба борца, переплетаясь тѣлами

¹⁾ Это былъ небольшой металлическій инструментъ съ ручкой, которымъ проводили по кожѣ, чтобы очистить ее отъ грязи. (*Примѣч. автора*).

Вооружение эфеба.

на землѣ, пытались положить другъ друга на лопатки: благодаря этому борцы вертѣлись и катались по землѣ, внезапно перемѣняя положеніе, и то одинъ, то другой изъ нихъ находился наверху до того момента, когда болѣе сильный или болѣе ловкій не притискивалъ своего товарища къ землѣ и не заставлялъ его признать себя побѣжденнымъ.

Бѣгъ былъ также однимъ изъ самыхъ старинныхъ упражненій: онъ укрѣплялъ мускулы ногъ и легкія. Для увеличенія трудности его, состязающихся заставляли бѣжать по песку. Было нѣсколько видовъ бѣга: простой бѣгъ, когда пробѣгалась одна стадія (185 метровъ); двойной бѣгъ, или діолъ, когда гребовалось пробѣжать стадій и возвратиться къ пункту отправленія; гиппическій бѣгъ, когда надо было сдѣлать тотъ же пробѣгъ, что лошадь на ипподромѣ, т. е. когда отъ пункта отправленія до конечнаго пункта и обратно пробѣгали дважды, а это составляло четыре стадіи. Наконецъ, большой бѣгъ, или долихонъ, при которомъ разстояніе пробѣга было различнымъ и достигало иногда двадцати четырехъ стадій (3.840 метровъ). Когда разстояніе пробѣга было невелико, болѣе всего цѣнилась скорость; при большихъ разстояніяхъ быстротѣ бѣга предпочитали умѣнье сохранять все время одинаковый шагъ и искусно сберегать силы. Повидимому, педотрибъ не обучалъ своихъ учениковъ бѣгу съ оружіемъ. Это атлетическое упражненіе было слишкомъ тяжелымъ для юношей. Бѣгъ съ факелами также не былъ въ обычаѣ на палестрѣ ¹⁾: его приберегали къ извѣстнымъ торжествамъ, праздновавшимся отчасти и ночью; это было не столько гимнастика, сколько родъ зрѣлища.

Прыжокъ можно разсматривать, какъ одинъ изъ видовъ бѣганья. Дѣти перепрыгивали болѣе или менѣе широкіе рвы, въ зависимости отъ ихъ возраста; они брали также и другія препятствія. Чтобы увеличить свой вѣсъ и благодаря этому пріобрѣсти возможность употребить большее усиліе, они брали въ каждую руку по свинцовой гирѣ. Гири не только увеличивали вѣсъ тѣла: ими пользовались и для

¹⁾ Палестра—мѣсто для гимнастическихъ упражненій.

удлиненія скачка; въ тотъ моментъ, когда дѣлался скачокъ, руки съ гирями выставляли быстрымъ движеніемъ впередъ; это также влекло атлета впередъ и заставляло его падать дальше, чѣмъ если бы онъ довольствовался только своимъ собственнымъ вѣсомъ.

Дискъ и дротикъ играли важную роль въ палестрахъ. Первый развивалъ мускулы рукъ и плечей; второй, укрѣпляя руки, давалъ упражненіе мѣткости глаза. Дискъ представлялъ собой сплошной бронзовый кругъ съ различнымъ

Рисунокъ на греческой вазѣ; верхняя половина—гимнастическія упражненія эфебовъ.

діаметромъ. То усиліе, которое приходилось дѣлать, чтобы взять и вращать этотъ кругъ изъ полированного металла, было первымъ полезнымъ для пальцевъ упражненіемъ. Бросали дискъ какъ правой, такъ и лѣвой рукой—безразлично; было также два способа бросать: въ вышину или въ горизонтальномъ направленіи. Было также упражненіе, состоящее въ томъ, что, бросая дискъ вверхъ и, можетъ быть, заставляя его вращаться, ловили его плашмя.

Обученіе эфебовъ гимнастикѣ.

на ладонь и переднюю часть руки. При бросаніи въ горизонтальномъ направленіи отводили руку назадъ и давали ей размахъ, а чтобы придать бѣльшую силу полету диска,

дѣлали быстро нѣсколько шаговъ впередъ. Цѣль, до которой надо было добросить дискъ, не опредѣлялась: когда было нѣсколько состязающихся, тотъ, дискъ котораго упалъ дальше всѣхъ, считался побѣдителемъ.

Для метанья дротика необходимо было обладать силой въ такой же мѣрѣ, какъ и ловкостью: надо было мѣтить въ цѣль, а чтобы попасть въ нее, необходимо было имѣть вѣрность глаза и правильное чувство разстоянія. Дѣтямъ остерегались давать въ руки военные дротики: неосторожность въ этомъ случаѣ могла быть гибельной для нихъ. Имъ предоставляли просто палки опредѣленной длины. Чтобы бросать эти палки, еще въ старину явилась мысль прикрѣпить къ нимъ ремешокъ, въ который продѣвали указательный и средній палецъ, или просто указательный; это помогало сразу и увеличить силу бросанія предмета, и дать ему болѣе правильное направленіе. Но вообще молодые люди, повидимому, мало пользовались этимъ приспособленіемъ. При метаніи дротика имѣло значеніе, за какое мѣсто брали его. Если держали слишкомъ близко къ концу, упражненіе становилось черезчуръ легкимъ; кажется, предлагалось держать его посрединѣ. Взявъ это оружіе рукой въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ, его подымали на высоту

уха и затѣмъ бросали, быстро дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ.

Учитель пристально слѣдилъ за этими разнообразными упражненіями: съ палочкой въ рукѣ, онъ наблюдалъ за дѣйствіями молодыхъ людей, хвалилъ ихъ, дѣлалъ замѣчанія, предлагалъ вопросы и давалъ объясненія. Въ случаѣ необходимости онъ безъ колебаній снималъ свой плащъ и примѣромъ подтверждалъ

Эфебъ на конѣ.

объясненіе. Въ этихъ занятіяхъ ему помогали сами молодые люди. На палестрахъ происходило настоящее взаимное обученіе: дѣти старались научить другъ друга и руководить упражненіями своихъ товарищей. Быть можетъ, педотрибъ назначалъ болѣе сильныхъ изъ нихъ своими помощниками.

Помимо этихъ состязаній, были и другія упражненія,⁸ составлявшія какъ бы дополнительную гимнастику. Такъ, напримѣръ, молодые люди для развитія гибкости дѣлали особыя движенія, которыя становились болѣе сложными, если брали въ руки гири.

Существовали также особыя упражненія съ обручемъ и игра въ мячъ. Греки занимались и кулачными боями; это былъ видъ борьбы, въ которой борцы наносили другъ другу удары кулакомъ или—разновидность этого состязанія, когда вмѣстѣ съ ударами кулакомъ старались схватить другъ друга. Кромѣ того, юношей обучали и военному искусству; учили также верховой ѣздѣ, по крайней мѣрѣ, мальчиковъ изъ богатыхъ семей. Что касается танцевъ, то они, повидимому, не принадлежали къ обычнымъ предметамъ преподаванія.

(P. Girard. L'Education athénienne, стр. 194—213).

6. Высшее образованіе.

Сверхъ обычныхъ школьныхъ занятій существовали еще такія, которыя были какъ бы предметомъ роскоши; они никогда не сдѣлались слишкомъ распространенными, но все же развивались все больше и больше въ концѣ V и въ теченіе всего IV вѣковъ. Предметы, преподававшіеся въ предшествующую эпоху, перестали удовлетворять умственные запросы грековъ, которые принялись за изученіе рисованія и разныхъ наукъ, а именно—геометріи, астрономіи, географіи и, наконецъ, реторики и философіи. Человѣческія познанія сдѣлали въ эту эпоху большіе успѣхи во всѣхъ этихъ отдѣлахъ, а потому было вполне естественно, что при воспитаніи юношества должны были воспользоваться ими. Но нетрудно догадаться, что это расширеніе

занятій происходило въ силу обстоятельствъ только для самыхъ богатыхъ и самыхъ интеллигентныхъ афинскихъ юношей; потому-то и среди слушателей Сократа можно встрѣтить только сыновей состоятельныхъ семей. Крайніе консерваторы, какъ, на примѣръ, Аристофанъ ¹⁾, могли порицать или осмѣивать это нововведеніе, но оно, несмотря на это, продолжало существовать.

Платонъ ²⁾ превосходно изображаетъ, какъ велика была пытливость ума этихъ молодыхъ людей и какое впечатлѣніе производили на нихъ слова учителя:

„Юноша“, говоритъ онъ, „впервые вкусившій изъ этого источника, получаетъ такое наслажденіе, какъ будто бы онъ нашелъ сокровище премудрости. Онъ преисполненъ наслажденія. Съ восхищеніемъ вспоминая всѣ рѣчи, онъ то старается свести всѣ идеи къ единству, то, какъ бы развернувъ передъ собой рядъ идей, разсматриваетъ каждую изъ нихъ отдѣльно; возникающими при этомъ вопросами онъ ставитъ въ большое затрудненіе прежде всего самого себя, а затѣмъ всѣхъ окружающихъ, каковы бы они ни были — молодые, старые, люди его возраста, не щадя ни отца, ни матери, ни кого другого, кто его слушаетъ“.

Бывшій стратегъ Демодокъ пришелъ совѣтоваться съ Сократомъ о своемъ сынѣ Теагѣ: „Нѣкоторые молодые люди“, говоритъ онъ, „повторяютъ передъ нимъ рѣчи, которыя волнуютъ его, и онъ завидуетъ этимъ юношамъ. Давно уже онъ пристаётъ ко мнѣ, говоря, что я долженъ позаботиться о немъ и нанять софиста, который сдѣлалъ бы его мудрымъ. Но я думаю, что онъ подвергнется большой опасности, если пойдетъ къ софистамъ. До сихъ поръ я своими убѣжденіями удерживалъ его, но теперь я больше не въ состояніи дѣлать это; поэтому я думаю, что лучшимъ средствомъ будетъ — уступить ему“.

На разсвѣтѣ Гиппократъ громко постучалъ въ дверь своей палкой. Когда ему отворили, онъ поспѣшно вошелъ, говоря громкимъ голосомъ: „Сократъ, проснулся

¹⁾ См. прим. на стр. 38.

²⁾ См. прим. на стр. 8.

ты или еще спишь?“—Я узналъ его голосъ и отвѣчалъ ему: „Ну, хорошо, Гиппократъ, какія у тебя новости?“— „Только пріятныя“.— „Отлично! Что же это такое, и почему ты пришелъ въ такое время?“— „Протагоръ пріѣхалъ“, отвѣчалъ онъ.— „А тебѣ что до этого? Развѣ Протагоръ виновать въ чемъ-нибудь передъ тобой?“— „Да, клянусь богами! потому что онъ одинъ—мудрецъ и не удѣляетъ мнѣ своей мудрости“.— „Но, во имя Зевса! дай ему денегъ, и ты можешь слушать его рѣчи; тогда онъ сдѣлаетъ и тебя мудрецомъ“.— „О, если бы небесамъ было это угодно! Я не пожалѣлъ бы ни своего имущества, ни достоянія своихъ друзей. Я, впрочемъ, затѣмъ и пришелъ, чтобы ты сказалъ ему обо мнѣ. Говорятъ, что никто не владѣетъ лучше его искусствомъ рѣчи. Мы могли бы отправиться къ нему, чтобы застать его еще дома. Онъ живетъ у Каллія“.

Алкивιάдъ говорилъ о Сократѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Когда я слушаю его, сердце мое бьется, я плачу и вижу, что многіе другіе дѣлаютъ то же. Часто онъ трогаетъ меня до такой степени, что мой образъ жизни кажется мнѣ невыносимымъ. И ты, Сократъ, не сказалъ бы, что это неправда, такъ какъ даже теперь я чувствую, что, если бы я услышалъ тебя, я не имѣлъ бы силъ устоять и былъ бы тронутъ, какъ всегда. Онъ принуждаетъ меня сознаться, что, нуждаясь во многомъ, я пренебрегаю самимъ собой, чтобы заниматься дѣлами афинянъ. Поэтому я принуждаю себя бѣжать отъ него, какъ отъ сирены, и затыкаю себѣ уши, чтобы не состариться, сидя около него. Я испытываю передъ нимъ то, на что никто не считаетъ меня способнымъ,—стыдъ. Я краснѣю только передъ нимъ, потому что я самъ чувствую, что не могу ничего возразить ему: я не могу сказать ему, что не долженъ слѣдовать его совѣтамъ; однако, покинувъ его, я проникаюсь желаніемъ нравиться народу. Поэтому я избѣгаю его, какъ бѣглый рабъ, и, когда я вижу его, я краснѣю отъ мысли, какія признанія я сдѣлалъ ему. Часто я желаю, чтобы его больше не было на свѣтѣ. Но если бы это случилось, я былъ бы огорченъ еще больше; такимъ образомъ, я не знаю, что дѣлать съ этимъ человѣкомъ“.

7. Модный учитель.

Изъ всѣхъ учителей, обращавшихся къ молодежи, не было никого популярнѣе Исократъ. Онъ и самъ хвалился этимъ и подъ конецъ своей жизни съ гордостью вспоминалъ, что за его указаніями приходили изъ далекихъ мѣстъ. Онъ рисуеъ скорбь всѣхъ этихъ иноземцевъ, которые, покидая его, чтобы возвратиться морскимъ путемъ къ себѣ на родину, разставались съ нимъ со слезами. Аѳиняне, повидимому, не менѣе горячо относились къ его урокамъ. Онъ былъ, очевидно, самымъ моднымъ риторомъ своего времени: учениковъ у него было больше, чѣмъ у всѣхъ его соперниковъ вмѣстѣ.

Для того, чтобы получить у него образованіе, надо было посѣщать его уроки три или четыре года. Его ученики по происхожденію принадлежали главнымъ образомъ къ состоятельнымъ семьямъ; а потому полученное ими предшествующее образованіе и давало имъ возможность воспринимать подобныя занятія; кромѣ того, они не имѣли нужды зарабатывать себѣ средства къ жизни. Въ качествѣ доказательства достаточно пробѣжать списокъ его слушателей. Мы находимъ среди нихъ многочисленныя имена людей, увѣнчанныхъ золотыми вѣнками за услуги государству; слѣдовательно, они были участниками крупныхъ событій и принадлежали къ той аристокрагіи, которая управляла Аѳинами и держала въ своихъ рукахъ военное начальствованіе, посольства, все вліяніе и почетъ. Молодые люди, стремившіеся къ его бесѣдамъ, принадлежали къ лучшему аѳинскому обществу.

Повидимому, Исократъ не требовалъ платы отъ своихъ слушателей-аѳинянъ, но иностранцы должны были платить по 1.000 драхмъ (около 370 руб.). Эти послѣдніе посѣщали его уроки въ большомъ количествѣ, и ихъ приверженностью къ своему учителю объясняется его большое состояніе. Но это не было однако единственнымъ источникомъ его богатства. Его ученики-аѳиняне расплачивались съ нимъ великолѣпными подарками. Такъ, одинъ изъ его учениковъ подарилъ ему однажды талантъ (около 2.220 руб.). Прибавимъ къ

этому, что цари и тираны, съ которыми онъ входилъ въ сношенія, отправляя имъ похвальныя посланія, перемѣшанные съ указаніями, великодушно вознаграждали его краснорѣчіе, такъ, напримѣръ, царь кипрскій Никоклъ заплатилъ ему около двадцати талантовъ (около 44.500 руб.) за составленную имъ для него рѣчь. Понятно поэтому, откуда у Исократы явилось громадное богатство, которое враги его вмѣняли ему въ такое великое преступленіе. Это крупное состояніе и бывший слѣдствіемъ его пышный образъ жизни еще больше увеличивали обаяніе учителя въ глазахъ утонченной и свѣтской молодежи, любившей, чтобы наука являлась передъ ней подъ изящной внѣшностью.

(P. Girard, L'Education athénienne, стр. 307—309).

8. Внѣшкольное воспитаніе ребенка.

Школа въ Греціи не была единственнымъ мѣстомъ, гдѣ приобрѣтались знанія; самая жизнь въ тѣсно сплоченной средѣ, гдѣ малѣйшее событіе сейчасъ же становилось общественнымъ достояніемъ и подвергалось обсужденію, очень содѣйствовала умственному развитію.

Крупныя политическіе процессы вызывали значительное стеченіе народа; важность привлекавшихся къ обсужденію вопросовъ, талантъ, извѣстность ораторовъ собирали вокругъ судей напряженно-внимательную толпу. Когда пренія сторонъ заканчивались, публика говорила о нихъ, и въ теченіе долгаго времени они служили матерьяломъ для разговоровъ. Ребенокъ не оставался чуждымъ всему происходящему: шумъ объ этихъ знаменитыхъ процессахъ доходилъ и до его ушей, и онъ со страстью слѣдилъ за ихъ ходомъ.

Воспитательное вліяніе на ребенка имѣли также театры, такъ какъ намъ извѣстно, что они были открыты для него. Но водили ли его на всякія представленія? Онъ бывалъ на трагедіяхъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія; какъ ни странно, но, повидимому, онъ присутствовалъ и на представленіяхъ комедій. Легко догадаться, насколько полезны

были для его умственного развитія эти литературныя празднества. Кромѣ того, на такихъ собраніяхъ онъ слушалъ, какъ герольдъ провозглашалъ награды, присужденныя лицамъ, которыхъ народъ хотѣлъ почитать; такимъ образомъ ребенокъ узнавалъ, какъ отечество вознаграждаетъ заслуги и какъ прославляются тѣ, кто служатъ обществу. „Развѣ вамъ неизвѣстно“, сказалъ Эсхинъ ¹⁾, заканчивая свою рѣчь противъ Ктесифона, „что воспитательное дѣйствіе на молодежь оказываетъ не столько школа и всѣ тѣ мѣста, гдѣ развиваютъ ихъ умъ, какъ эти публичныя провозглашенія герольдовъ?“ Онъ разумѣетъ тутъ тѣ постановленія, которыя читались въ театрѣ и которыя включали упоминанія о вѣнкахъ и почестяхъ, даруемыхъ гражданамъ за ихъ заслуги передъ государствомъ. Считалось, что въ Аѣинахъ эти награды раздавались строже, чѣмъ въ другихъ городахъ.

Въ обществѣ, гдѣ примѣръ оказывалъ такое сильное вліяніе и гдѣ всѣмъ охотно пользовались какъ воспитательнымъ средствомъ, какъ урокомъ для будущаго, подобная справедливость и торжественность при раздачѣ наградъ должна была возбуждать юношество; для него это была школа гражданскаго соревнованія.

(P. Girard. L'Education athénienne, стр. 258—261).

9. Аѣинская дѣвушка.

До брака, въ который аѣинянки вступали чаще всего около пятнадцати лѣтъ, онѣ жили въ глубинѣ гинекеевъ ²⁾, въ уединеніи, куда не доходилъ извнѣ никакой шумъ, никакія волненія. Для дѣвушки можно было, несомнѣнно, пожелать болѣе укрѣпляющаго воспитанія, которое, приведя ее въ соприкосновеніе съ внѣшнимъ міромъ, подготовило бы ее этимъ самымъ къ предстоящимъ ей впослѣдствіи обязанностямъ; но никакая другая система не могла

¹⁾ Эсхинъ—аѣинскій ораторъ IV-го вѣка до Р. Х.

²⁾ Гинекеемъ называлась та часть дома, гдѣ обыкновенно находились женщины и куда посторонніе никогда не допускались. (Примѣч. автора.)

выработать въ ней въ такой мѣрѣ скромность и нѣжность— качества, которыя греки особенно стремились привить женщинамъ. Они, повидимому, опасались, что при раннемъ знаніи жизни и житейскихъ испытаній душа проиграетъ больше, чѣмъ выиграетъ: если она приобрѣтетъ даже больше тонкости и проницательности, то этотъ опытъ будетъ купленъ дорогой цѣной. Что сдѣлалось бы съ ясностью мысли и внутреннимъ миромъ, которымъ эллины придавали такую цѣну, при преждевременномъ знаніи жизни и наполняющихъ ее бѣдствій. Искали они этого или нѣтъ, но во всякомъ случаѣ воспитаніе, получаемое дѣвушками, въ результатѣ поддерживало въ послѣднихъ такое настроеніе духа.

Въ дѣтствѣ дѣвочки росли, окруженныя тщательными заботами матерей или кормилицъ; съ возрастомъ онѣ приучались къ работамъ надъ шерстью и къ тканью. Сидя подлѣ своихъ матерей, онѣ учились достигать совершенства въ рукодѣліяхъ, которыя составляли главное занятіе и честь женщинъ. Ничто не тревожило ихъ въ этой мирной работѣ. Дверь внутренняго помѣщенія была для нихъ какъ бы преградой, которую онѣ почти никогда не переступали, и никто посторонній не проникалъ къ нимъ никогда.

Впрочемъ, эта жизнь не была однообразной. Рѣчь вѣдь идетъ объ Афинахъ, поэтому любовь къ искусству нашла дорогу даже въ гинекей, несмотря на его замкнутость. И къ упомянутымъ чисто практическимъ свѣдѣніямъ, сообщаемымъ дѣвушкамъ, присоединялись нѣкоторыя другія, какъ, на примѣръ, чтеніе, письмо, музыка. Впрочемъ, не слѣдуетъ дѣлать никакихъ преувеличеній: греки никогда не прилагали заботы объ умственномъ развитіи женщины и приобщеніи ея къ тѣмъ благороднымъ занятіямъ, которыя возвышаютъ и укрѣпляютъ душу. Но музыка у народа съ такой

Поминальное жертвоприношеніе.

утонченной и живой впечатлительностью была чѣмъ-то большимъ, чѣмъ простое отдохновеніе: она уравновѣшивала движенія души, вызывая въ ней извѣстныя гармоническія впечатлѣнія, которыя медленно и почти незамѣтно проникали въ умъ и вліяли на его складъ.

(Кромѣ того, въ рѣдкихъ случаяхъ, дѣвушка могла выходить изъ своего убѣжища. Она появлялась въ нѣкоторыхъ религиозныхъ церемоніяхъ и принимала участіе въ хоровыхъ танцахъ. Иногда на нее падалъ выборъ нести во время празднества священныя корзины: или, если она принадлежала къ аристократической фамиліи, ей давали вышивать

Религіозная процессія женщинъ.

предназначенное Аѳинѣ покрывало, которое должно было торжественно прослѣдовать въ процессіи на Великія Панаѳинеи ¹⁾). Когда дѣвушка затѣмъ возвращалась въ родительскій домъ, въ теченіе долгихъ часовъ работы, склонившись надъ своимъ станкомъ, она предавалась воспоминаніямъ о праздникѣ, на которомъ она присутствовала, и ея душа наполнялась прекрасными и граціозными образами.

Пока ея ловкіе пальцы перебрасывали челнокъ, она снова мысленно видѣла стройный порядокъ священнаго празднества, движенія хоровъ и благородную архитектуру

¹⁾ Праздникъ въ честь богини Аѳины и аѳинскаго государства.

храмовъ. Когда теченіе жизни такъ однообразно, то малѣйшія событія кажутся значительными и оставляютъ продолжительные слѣды. Религія, дававшая молодой афинянкѣ возможность въ рѣдкихъ случаяхъ видѣть мелькомъ внѣшній міръ, и именно во время этихъ поразительно-изящныхъ празднествъ, была небезполезна при воспитаніи ея ума; она не нарушала тишины гинекея, но какъ бы оживляла его тщательно хранимыми воспоминаніями, которыя помогали развитію въ ея душѣ чувства порядка и гармоніи.

Такимъ образомъ, если мы при изученіи занятій греческой дѣвушки и рѣдкихъ развлеченій, прерывавшихъ ихъ, отбросимъ всѣ подробности, то получимъ цѣльное впечатлѣніе,—впечатлѣніе чего-то скромнаго и сдержаннаго: это была жизнь однообразная и мирная, зависимая, но не унижительная: невѣдѣніе дѣвушки тщательно поддерживалось, но не для пониженія умственнаго уровня женщины, а для сохраненія во всей неприкосновенности тонкости ея души и того цвѣтка цѣломудрія, который еще не увялъ подъ вліяніемъ знанія зла или подозрѣнія его существованія.

(Lallier. De la condit. de la femme, стр. 41—44).

10. Эфебія.

Въ восемнадцать лѣтъ афинянинъ выходилъ изъ юношескаго возраста и вносился въ общій списокъ гражданъ. Съ этого времени онъ становился граждански и политически полноправнымъ человѣкомъ. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе двухъ послѣдующихъ лѣтъ онъ подлежалъ отбыванію извѣстнаго рода искуса въ корпораціи эфебовъ; освобождались отъ этого только одни несостоятельные люди.

Эфебія была государственнымъ учрежденіемъ: ея уставъ цѣликомъ исходилъ отъ сената или отъ народа; ея главные чиновники были городскими должностными лицами, а высшая власть надъ нею принадлежала стратегамъ.

Очень возможно, что до македонской эпохи ¹⁾ эфебамъ давалось только военное образованіе. Въ надписяхъ

¹⁾ Т. е. до IV в. до Р. X.

часто повторяются указанія, что эфебы выступили изъ города въ лагери. „Они поселялись въ демахъ¹⁾ и крѣпостяхъ, становились лагеремъ на границахъ“. „При всѣхъ своихъ переходахъ они уважали владѣнія, черезъ которыя проходили, и заслуживали только похвалу“. Одной изъ цѣлей этихъ прогулокъ за предѣлы Аѳинъ должна была быть безопасность деревень и надзоръ за дорогами; они были какъ бы подвижной жандармеріей, а въ то же время приучались владѣть оружіемъ и переносить утомленіе.

Подробностей мы не знаемъ, но Ксенофонтъ и Платонъ даютъ намъ картину этой жизни на чистомъ воздухѣ. „Пусть они рыщутъ по полямъ, пусть охотятся въ горахъ, пусть приучаются переносить голодъ; кто ничего не убилъ, будетъ ѣсть только какія-нибудь травы“; спали они тамъ, гдѣ ихъ захватила ночь, и, завернувшись въ плащъ, ждали восхода солнца.

Эфебы на коняхъ.

Платонъ высказываетъ пожеланіе, чтобы молодые люди обучались тактикѣ, маршировкѣ, военнымъ передвиженіямъ и искусству устраивать лагери. Это, конечно, и было главной цѣлью такихъ экскурсій, когда эфебы носили наименованіе *περίπολοι*. Ихъ приучали обращаться съ воен-

¹⁾ Д е м ы—селенія въ древней Атикѣ.

ными машинами, въ частности съ катапультой ¹⁾, метать дротикъ и пользоваться кестромъ ²⁾. Ихъ отправляли на

Военный танецъ греческихъ юношей.

государственные корабли и указывали имъ правила морского искусства.

Кромѣ космета, который являлся начальникомъ эфебіи,

Сцена изъ греческой жизни.

въ число учителей этой коллегіи входили: педотрибъ, въ-
давшій всѣ физическія упражненія; гогломахъ, или учитель

¹⁾ Катапульта—военная машина для метанья стрѣлъ, дротиковъ и камней.

²⁾ Кестръ—особый видъ дротика.

фехтованія; аконтистъ, обучавшій метать дискъ; афеть, или учитель, преподававшій, какъ обращаться съ метательными машинами; токсотъ, который обучалъ стрѣльбѣ изъ лука. Это простое перечисленіе свидѣтельствуесть въ достаточной степени о военномъ характерѣ корпораціи эфебовъ. Однимъ словомъ, до тѣхъ поръ, пока Аѳины сохраняли свободу, въ эфебѣ видѣли не столько будущаго гражданина, сколько будущаго воина.

(По Dumont *Essai sur l'éphébie attique*, I, стр. 146—150, 177 и сл.).

11. Клятва эфебовъ.

Въ первый годъ пребыванія въ эфебіи, въ мѣсяцѣ Боедроміонѣ¹⁾ эфебы съ оружіемъ въ рукахъ являлись въ храмъ Аглавры и тамъ въ присутствіи членовъ своихъ демовъ приносили такую клятву:

„Клянусь никогда не позорить это священное оружіе, никогда не покидать своего мѣста въ битвѣ. Одинъ ли, со всѣми ли вмѣстѣ я буду сражаться за своихъ боговъ и за свой очагъ. Я оставляю послѣ себя свое отечество не уменьшеннымъ, но болѣе могущественнымъ и болѣе крѣпкимъ. Я буду повиноваться приказаніямъ, которыя продиктуесть мудрость должностныхъ лицъ; я буду подчиняться и тѣмъ законамъ, которые находятся въ силѣ въ настоящее время, и тѣмъ, которые будутъ постановлены народомъ. Если кто-нибудь захочетъ ниспровергнуть эти законы или не будетъ повиноваться имъ, я не потерплю этого и буду сражаться за нихъ одинъ или вмѣстѣ со всѣми. Я буду почитать предковъ моего отца. Беру въ свидѣтели Аглавру, Эніалія, Ареса, Зевса, Фалло, Авксо и Гегемону²⁾“.

(Стобей. *Florilegium*, XLIII, 48. Поллуксъ, VIII, 105. Ликургъ. Рѣчь противъ Леократа, 77. Dumont. *L'éphébie attique*, I, стр. 9—10).

¹⁾ Сентябрь, см. стр. 18.

²⁾ Аглавра была дочерью Кекропа; легенда о ней входила въ самыя старинныя аѳинскія преданія. Эніалій былъ богъ-покровитель

12. Эфебы внѣ службы.

Въ V и IV столѣтіяхъ эфебы не были расквартированы по казармамъ; они могли жить, гдѣ имъ угодно. Нѣкоторые изъ нихъ жили въ Аѳинахъ, другіе—въ окрестныхъ демахъ, не неся обязательства покидать свое жилище и собираясь вмѣстѣ только, когда ихъ созывали. Въ промежуткахъ между этими созывами они, какъ обыкновенные солдаты, были свободны и могли заниматься своими дѣлами и употреблять время по своему усмотрѣнію. Внѣ службы они продолжали вести привычный имъ блестящій образъ жизни, дѣля время между уроками, за которые они много платили, и дорогостоящими развлечениями. Именно ихъ рисуетъ намъ Исократъ, когда говоритъ объ этихъ изнѣженныхъ юношахъ, охлаждающихъ вино въ эннеакрунской водѣ¹⁾, кутящихъ вмѣстѣ по кабачкамъ, проводящихъ дни за игрой въ кости или веселящихся у флейтистокъ. Собираясь по временамъ большими компаніями на шумныя пирушки, они назывались шутливыми прозвищами и наводили ужасъ на мирныхъ гражданъ своими странными выходками и презрѣніемъ ко всему общепринятому. Ихъ встрѣчали въ судахъ, на собраніяхъ, гдѣ должны были выступать знаменитые ораторы. Многіе изъ нихъ посѣщали также гимназіи, которыя служили въ IV вѣкѣ мѣстомъ свиданія изящнаго общества. Эсхинъ вспоминаетъ, что его старшій братъ Филохаръ, человекъ не-

оружія. Фалло была одной изъ богинь, олицетворявшихъ часы. символъ юности. Авксо и Гегемона—двѣ хариты, или граціи, дарующія силу и мощь тѣмъ, кто вступалъ на арену общественной жизни подъ ихъ покровительствомъ.

Дюмонъ указываетъ, что клятва эта неполная. Плутархъ (Жизнь Алкивиада, 15) даетъ еще одну, несомнѣнно измѣненную фразу. Она, вѣроятно, гласила слѣдующее:

..Эфебы клянутся защищать все, что включено въ наши границы, т. е. всѣ безъ исключенія виноградники и (существующія въ Атикѣ) оливковыя деревья: наша граница простирается до того предѣла, гдѣ нѣтъ болѣе культуры, т. е. до горъ и моря. (*Примѣч. автора*).

¹⁾ Вода изъ одного источника въ Аѳинахъ.

заурядный, любилъ посѣщать гимназіи¹⁾; онъ и самъ хвалится тѣмъ, что проводилъ тамъ многіе часы въ бесѣдахъ съ прекрасными юношами. Появленіе въ гимназіяхъ доказывало, что человѣку нечего было дѣлать, что онъ не имѣлъ нужды зарабатывать себѣ средства къ жизни; это свидѣтельствовало также, что у него были большія связи, потому что юноши, съ которыми тамъ встрѣчались, были богаты и часто знатны. Вотъ почему тщеславный у Теофраста²⁾ считаетъ своимъ долгомъ появляться тамъ. Такъ обстояло дѣло уже въ V вѣкѣ: всадники Аристофана³⁾, такъ гордо требующіе права мирно проводить время въ гимназіяхъ, представляютъ собой аристократическій слой афинской молодежи. Верховая ѣзда и гимнастика были тѣ два искусства, которыя шли рука объ руку и которыми долженъ былъ заниматься всякій гражданинъ извѣстнаго положенія.

Посѣщеніе гимназій становилось аристократической привычкой въ особенности благодаря тому, что тамъ можно было получить философское образованіе. Но не всѣ имѣли возможность воспользоваться этимъ, потому что такое образованіе обходилось очень дорого. Многіе ученики Сократа, какъ Аристиппъ, не слѣдуя примѣру безкорыстія своего учителя, продавали свою мудрость за золото. Хотя Платонъ не бралъ платы, все же его слушатели были главнымъ образомъ молодые люди, принадлежащіе къ лучшимъ фамиліямъ и извѣстные своимъ изяществомъ. Одинъ комическій поэтъ рисуетъ намъ ихъ одѣтыми въ тонкія ткани, съ тщательно причесанными волосами и бородой, обутыми въ сандаліи, ремни которыхъ граціозно обвивались вокругъ ноги. По всей видимости, среди этихъ щего-

¹⁾ Гимназія первоначально—мѣсто для упражненій, а съ конца V в. до Р. Х. школа, гдѣ вели свои бесѣды философы и ученые.

²⁾ Теофрастъ (371—286 г. до Р. Х.)—греческій ученый, ученикъ Аристотеля, написавшій много сочиненій на разныя темы. Въ одномъ изъ нихъ—о характерахъ—онъ даетъ характеристики пороковъ и смѣшныхъ чертъ людей.

³⁾ Здѣсь имѣются въ виду дѣйствующія лица комедіи Аристофана „Всадники“.

лей было много эфобовъ. Теофрастъ насчитывалъ, по словамъ Діогена Лаэртскаго, около двухъ тысячъ учениковъ; невозможно предполагать, чтобы въ это число не входило извѣстное количество эфобовъ. Надо прибавить, что эфебы слушали также уроки риторовъ; вѣроятно, большая часть учениковъ Сократа состояла именно изъ нихъ. Эти занятія были недоступны для массы молодыхъ людей, и только богатые эфебы могли предаваться имъ.

(По Girard, P'Education athénienne, стр. 298—302).

13. Спартанское воспитаніе.

Съ момента появленія на свѣтъ ребенокъ въ Спартѣ попадалъ въ распоряженіе государства. Вопросъ, имѣлъ ли онъ право на существованіе или былъ обреченъ исчезнуть, не зависѣлъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, отъ рѣшенія отца. Комиссія, состоящая изъ самыхъ глубокихъ стариковъ рода, высказывала относительно его участи свое мнѣніе. Если онъ казался слабымъ, больнымъ или дурно сложеннымъ, его отправляли на Тайгетъ ¹⁾, въ особо предназначенное для этого мѣсто, называемое *ἀποδέτχι*. Если, наоборотъ, онъ былъ здоровымъ и крѣпкимъ, его оставляли.

До семи лѣтъ ребенокъ жилъ въ родительскомъ домѣ подъ надзоромъ женщинъ. Въ семь лѣтъ его препровождали къ педоному, который руководилъ воспитаніемъ всей молодежи. Педономъ собиралъ дѣтей въ различныя группы, называемыя *ἴχι*. Соединеніе нѣсколькихъ группъ составляло классъ (*βουβα*). Во главѣ каждой группы стоялъ *ἰάρχης*, во главѣ класса—*βουάρχωρ*, которые выбирались изъ самыхъ старшихъ мальчиковъ; при этомъ *βουάρχωρ* выбирался, повидимому, самими дѣтьми. Эти старшины были обязаны руководить играми и гимнастическими упражненіями подъ надзоромъ педонома и *βίδαι* съ его помощниками, мастигофорами, вооруженными розгами. Многочисленные зрители съ живымъ интересомъ наблюдали зрѣлище. Они пользовались правомъ побуждать дѣтей сдѣлать то или иное упражненіе,

¹⁾ Горное ущелье.

вызывать между ними соперничество, давать имъ совѣты, дѣлать выговоры и даже наказывать.

Физическія упражненія распредѣлялись сообразно возрасту; но объ этомъ нельзя сказать ничего опредѣленнаго; извѣстно только, что разные виды кулачныхъ боевъ были исключены изъ этихъ упражненій, потому что они приличествовали атлетамъ, а не воинамъ. Обычныя упражненія состояли въ бѣгѣ, прыганьѣ, борьбѣ, метаньи диска и дротика; само собой разумѣется, что нѣкоторая часть времени употреблялась на обученіе владѣть оружіемъ. Сюда присоединялись нѣкоторые виды танцевъ, особенно военный (пиррическій) танецъ.

Юноши съ двѣнадцати лѣтъ ходили едва одѣтые, съ непокрытой головой и босыми ногами. Они носили всегда, даже зимой, одну и ту же одежду, которой имъ должно было хватить на годъ. Ихъ волосы были коротко острижены; за исключеніемъ опредѣленныхъ и рѣдкихъ дней имъ не дозволялось омываться и душиться. Они спали безъ одѣяла на сѣнѣ, соломѣ, тростникѣ или камышѣ. Пища ихъ отличалась большой простотой и выдавалась имъ съ такимъ расчетомъ, что насытиться ею было невозможно, а потому они вынуждены были воровать съѣстные припасы. Если кражи совершали ловко, ихъ только хвалили; если же при воровствѣ они попадались, то несли наказаніе.

Кромѣ этихъ повседневныхъ упражненій, для приученія мальчиковъ переносить боль было придумано испытаніе посредствомъ сѣченія бичемъ, ежегодно повторявшееся передъ алтаремъ Артемиды Орѣйской. Юноши избивались до крови, но подъ страхомъ позора не смѣли плакать или просить пощады. Проявившій наибольшую твердость духа провозглашался „побѣдителемъ при алтарѣ“. Случались примѣры, что жертвы испускали духъ подъ ударами.

Умственный кругозоръ спартанцевъ былъ очень узокъ. Исократъ упрекаетъ ихъ даже въ безграмотности. Дѣйствительно, чтеніе и письмо не входили въ оффиціальную программу обученія, но большинство гражданъ научались имъ сами. Музыка, наоборотъ, входила въ число предметовъ

общественнаго преподаванія, и не *только въ качествѣ развлеченія, а какъ элементъ нравственнаго развитія; дѣти пѣли пѣсни, соотвѣтствующія народному духу, и играли на цитрѣ и на флейтѣ.

Ихъ допускали на трапезы мужчинъ, гдѣ они слушали разговоры взрослыхъ. Рѣчь тутъ шла то о общественныхъ дѣлахъ, то о похвальныхъ или достойныхъ порицанія поступкахъ предковъ или современниковъ; то они дѣлались свидѣтелями веселыхъ и ѣдкихъ шутокъ, свойственныхъ этому народу. Они могли принимать участіе въ разговорахъ, выражать свои собственныя чувства, отвѣчать на насмѣшки и на затруднительные вопросы, проявляя присутствіе духа, живость и скромность; особенно стремились пріучить ихъ сказать многое въ немногихъ словахъ.

Граждане болѣе пожилого возраста имѣли право на уваженіе молодыхъ: ихъ взаимныя отношенія напоминали отношенія учителя и ученика, начальника и подчиненнаго. Старшіе могли дѣлать выговоры и даже наказывать молодыхъ; если ребенокъ шелъ домой жаловаться, отецъ только увеличивалъ наказаніе. Дѣти въ такой же мѣрѣ принадлежали государству, какъ и своей семьѣ; всѣ старики почитались ими наравнѣ съ ихъ отцомъ. Ихъ скромность и сдержанность вызывала удивленіе всей Греціи; они были молчаливы, какъ статуи, едва поднимали глаза, имѣли всегда строгій видъ и ходили со строгимъ видомъ, спрятавъ руки подъ плащъ.

Достигнувъ восемнадцатилѣтняго возраста, они выходили изъ разряда юношей и принимали имя *μελλείφρονες*, или кандидатовъ. Тогда они несли службу, подобную службѣ аѳинскихъ эфебовъ. Когда имъ исполнялось двадцать лѣтъ, они вступали въ регулярную армію подъ именемъ *εἰρένες* или *ἱρανες*. Наконецъ, въ тридцать лѣтъ они попадали въ разрядъ взрослыхъ людей и имѣли право пріобрѣсть свое особое хозяйство; впрочемъ, часто они женились, не дожидаясь этого времени.

(Schömann. Griechische Alterthümer, т. I).

14. Спартанская дѣвушка.

Дѣвушки въ Спартѣ обучались гимнастикѣ и музыкѣ: но ничего опредѣленнаго относительно способа этого обученія неизвѣстно. Для нихъ, вѣроятно, существовали правила, подобныя тѣмъ, какія устанавливались для мальчиковъ: распредѣленіе дѣтей одинаковаго возраста по разрядамъ и классамъ, постепенность въ упражненіяхъ, надзоръ педономовъ и *βίβλος* и т. д. Онѣ обучались бѣганью, прыганью, борьбѣ, метанью дисковъ и дротиковъ; къ этому присоединялось также обученіе танцамъ и пѣнію, потому что на празднествахъ онѣ танцовали хороводомъ и пѣли хоромъ. Имъ, разумѣется, предоставлялись особыя мѣста, куда толпа не имѣла доступа. Однако устраивались публичныя испытанія, когда мальчики присутствовали на играхъ дѣвочекъ, а дѣвочки—на играхъ мальчиковъ; въ этихъ случаяхъ, повидимому, похвалы или порицанія дѣвочекъ являлись даже для другого пола могущественнымъ способомъ воздѣйствія.

Эти нравы сильно скандализировали другіе народы, у которыхъ женщины держались совершенно особнякомъ отъ мужчинъ, и сильная, рѣшительная спартанка по сравненію съ хрупкой и робкой афиняжкой должна была производить впечатлѣніе существа, не имѣющаго пола. Цензура особенно порицала ихъ костюмъ, едва прикрывавшій ихъ; онъ состоялъ изъ туники безъ рукавовъ и едва доходящей до колѣнъ. Впрочемъ, нравственность, видимо, не страдала отъ такихъ порядковъ, а спартанскія женщины выигрывали въ томъ отношеніи, что были самыми здоровыми и энергичными женщинами въ Греціи.

(Schömann. Griechische Alterthümer, т. I).

15. Общественное воспитаніе на островѣ Критѣ.

На Критѣ дѣтей водили на андріи, или общія трапезы; тамъ они ѣли всѣ вмѣстѣ, сидя на землѣ, одѣтыя въ плоскія туники, которыя они носили лѣто и зиму; они сами подавали себѣ кушанья и въ то же время прислуживали

взрослымъ мужчинамъ. Ихъ часто заставляли бороться другъ съ другомъ.

Сдѣлавшись старше, въ семнадцать лѣтъ, они всѣ безъ исключенія переходили въ агелы; въ основаніи каждой агелы принималъ участіе какой-нибудь юноша, принадлежащій къ одной изъ самыхъ знатныхъ и вліятельныхъ фамилій. Для этой цѣли онъ на вербовывалъ и собиралъ возможно большее количество товарищей. Обыкновенно сформированіе такой группы и начальствованіе надъ нею бралъ на себя отецъ юноши, основавшаго группу; онъ могъ вести ее куда угодно: на охоту, на стадій, и карать по своему усмотрѣнію всякое неповиновеніе его приказаніямъ. Всѣ эти дѣти получали содержаніе за счетъ государства. Ихъ учили началамъ грамматики, національнымъ пѣснямъ и первоначальнымъ правиламъ музыки. Особенно упражняли ихъ въ искусствѣ владѣть оружіемъ; ихъ стремились сдѣлать невоспріимчивыми къ усталости, къ жарѣ, къ холоду, къ трудностямъ суровой и гористой дороги, къ впечатлѣніямъ, получаемымъ въ борьбѣ или въ примѣрныхъ сраженіяхъ; они обучались еще стрѣльбѣ изъ лука и военному или пиррическому танцу, чтобы даже въ играхъ они находили полезныя упражненія, подготовляющія ихъ къ военному дѣлу. Нѣсколько разъ въ годъ въ опредѣленные сроки можно было наблюдать, какъ всѣ эти дѣти шли на сраженіе, агела противъ агелы, мѣрнымъ шагомъ подъ звуки флейты или лиры, что было въ обычаѣ и у критскихъ солдатъ на войнѣ. Потомъ начиналась битва, и дѣти наносили одинъ другому жестокіе удары то кулакомъ, то деревяннымъ оружіемъ.

По отбываніи службы (которая продолжалась десять лѣтъ) всѣ освобождавшіеся молодые люди женились въ одно и то же время.

(Э ф о р ъ по Страбону ¹, кн. X).

¹) Э ф о р ъ (около 405—330 г. до Р. X.)—греческій историкъ.— Страбонъ—греческій географъ I в. Въ своемъ трудѣ „Географія“ онъ проявилъ большую начитанность, заимствуя свѣдѣнія отъ многихъ писателей древности.

Оглавленіе.

	Стр.
Предисловіе переводчицы	III
Предисловіе автора	VII

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Общія свѣдѣнія.

1. Эллинскій типъ	1
2. Греческій геній	4
3. Счастье по понятію аѳинянина	8
4. Сравненіе аѳинянъ со спартанцами	9
5. Спартанское остроуміе	10
6. Характеръ ѳиванцевъ	11
7. Простота греческой жизни	12
8. Дѣленіе времени	17
9. Мѣры, вѣсъ и монеты	19
10. Способъ счисленія	22

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Семья.

1. Первобытная семья	25
2. Религія. какъ основа семьи	29
3. Безбрачіе	30
4. Цѣль брака въ Греціи	32
5. Религіозные свадебные обряды	33
6. Приданое	35
7. Аѳинская женщина	37
8. Роль женщины въ домѣ по Ксенофонту	44
9. Спартанскія женщины	47
10. Энергія спартанскихъ женщинъ	48

	Стр.
11. Мужество аргивянок	49
12. Разводъ	49
13. Обряды на 7-й и на 10 день послѣ рожденія ребенка	51
14. Собственныя имена	52
15. Усыновленіе	53
16. Отцовская власть	55
17. Обязанности дѣтей по отношенію къ родителямъ	56
18. Правила наслѣдованія	57
19. Духовное завѣщаніе	58
20. Завѣщаніе Платона	60
21. Дочь-наслѣдница	60
22. Опека	63

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Воспитаніе.

1. Ребенокъ до семилѣтняго возраста	66
2. Отсутствіе правительственной школы въ Аѳинахъ	68
3. Правительственная школа въ Теосѣ и въ другихъ мѣстахъ	69
4. Литературное и музыкальное образованіе	70
5. Гимнастика	72
6. Высшее образованіе	79
7. Модный учитель	82
8. Внѣшкольное воспитаніе ребенка	83
9. Аѳинская дѣвушка	84
10. Эфебія	87
11. Клятва эфебовъ	90
12. Эфебы внѣ службы	91
13. Спартанское воспитаніе	93
14. Спартанская дѣвушка	96
15. Общественное воспитаніе на островѣ Критѣ	96